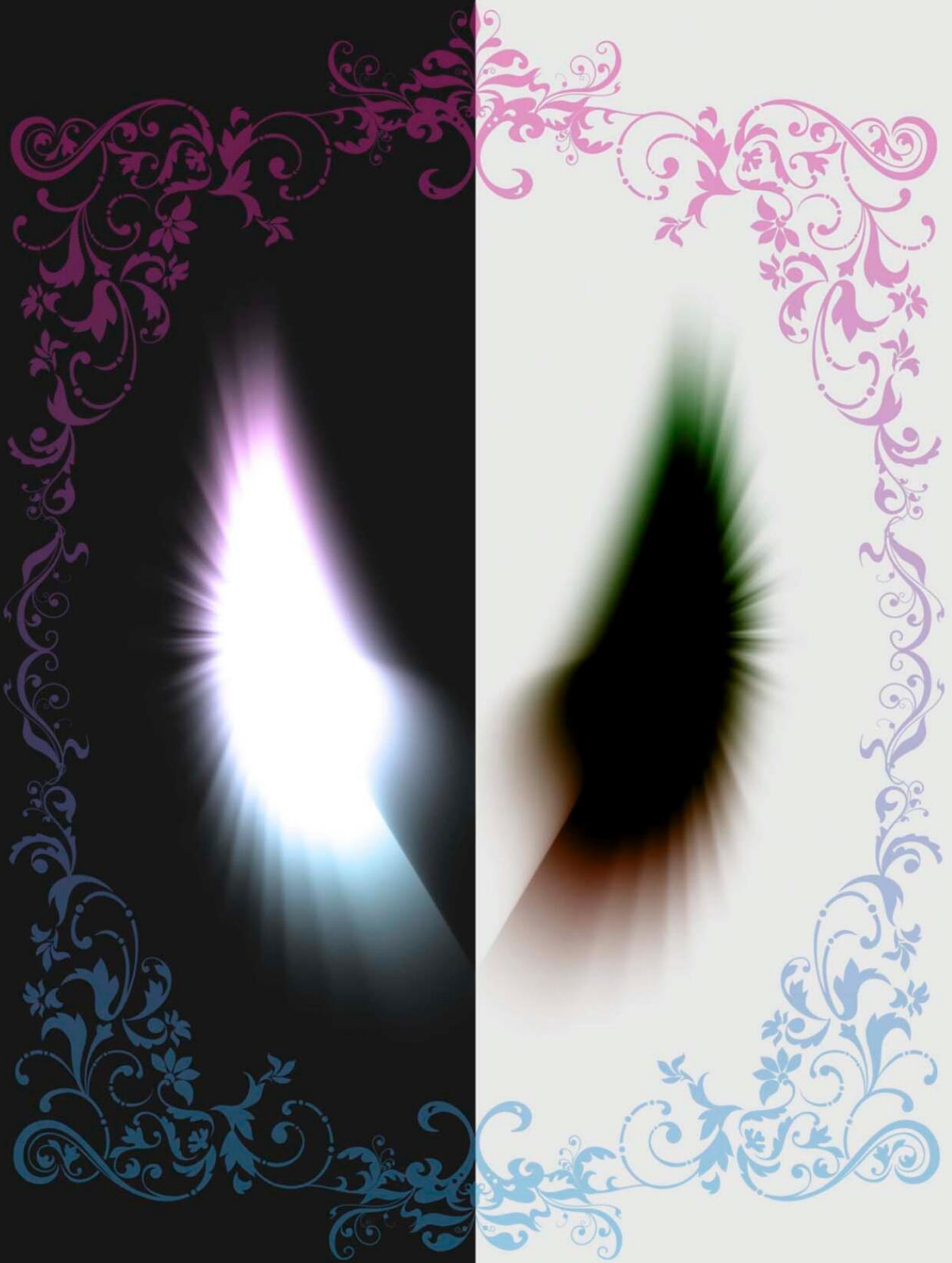

 ЕЛЕНА ЛОГУНОВА

ВЕЧНОСТЬ

ПОПОЛАМ

Vampire детектив

Елена Логунова

Вечность пополам

«Автор»

2023

Логунова Е. И.

Вечность пополам / Е. И. Логунова — «Автор»,
2023 — (Vampire детектив)

Скуки ради Анна поддерживает случайное знакомство в Интернете и удивительно быстро влюбляется в незнакомца, который кажется ей идеальным мужчиной. Но виртуальный роман превращается не в лав-стори, а в триллер! Роль, отведенная в нем Анне, уникальна, потому что лишь она обладает силой, способной не только убивать, но и дарить бессмертие. Очевидно, кто-то узнал эту тайну и хитростью, шантажом и угрозами загоняет Анну в ловушку. Что ж, у отчаянно влюбленной женщины нет принципов, но есть выбор – оставаться марионеткой в руках коварного негодяя или самой потянуть за ниточки...

© Логунова Е. И., 2023

© Автор, 2023

Елена Логунова

Вечность пополам

Пролог

Сначала она улыбалась. Улыбка была русалочья, зазывная, обещающая много всего и сразу. Потом она смеялась, запрокидывая голову, чтобы видно было нежное белое горло, и тогда ее манящий взгляд нарочито мимо цели уходил в потолок, а ухоженные медные волосы волновались, скользя по обнаженной спине.

Дурочка. Она думала, что соблазняет его!

Она сама сбросила платье, и без того немного закрывавшее, и даже помогла раздеться ему, не скрывая нетерпения и жадности. Его это позабавило. Можно было подумать, что деньги заплатят ей, а не ему!

Разумеется, он тоже продемонстрировал бурную страсть. Он умел это делать лучше многих, судя по суммам гонораров – даже лучше всех. Разумеется, ей понравилось, и не один раз. Никто и не думал ограничиваться одним разом! Он собирался честно отработать свой гонорар до последнего вздоха.

Её последнего вздоха.

Конечно, потом она пыталась вырваться из объятий, в которые так стремилась попасть, но он держал ее крепко. Он умело сдерживался, а она уже изнемогала и была слаба. Вес его тела втиснул ее в упругий матрас, так что она и вздохнуть не могла, только широко раскинутые ноги судорожно дергались. А ее руки он прижал к изголовью кровати так крепко, что резные деревянные завитки запросто могли сломать ей пальцы. Хотя вряд ли она это почувствовала – волны мощного оргазма, сделавшегося непрерывным, гасили боль в изувеченных кистях много лучше, чем онемевшие запястья.

Он не заметил, как биение пульса под его пальцами иссякло, только почувствовал, как она в последний раз конвульсивно выгнулась, сумев его приподнять, но и в этот момент не отвел жадного взгляда от ее лица. Хорошая девочка! Она сразу послушалась, когда он велел ей смотреть ему в глаза, и не опустила веки, даже умирая.

Она была дурочкой, но глаза у нее были красивые. А когда она умерла, они сделались просто прекрасны – чистые, ясные, без тени мысли, и невероятно большие в сверкающих линзах слёз.

Он сдерживался так долго, что финишировал бурно, в умопомрачении, с низким горловым рычанием, которым уже некого было напугать, и в изнеможении рухнул на нее так тяжело, что опухшие от поцелуев мертвые губы разомкнулись, пропуская короткий хрип. Совершенно машинально, забыв о том, что ей уже ничто не повредит, он перекатился на бок, почувствовал укол в подреберье и, холодея, мгновенно пришел в себя. Дернул шнурок, вытягивая застрявший между двумя телами кулон, взглянул на него – и лишь тогда ужаснулся.

Лунный камень, похожий на маленькое веретено, остался холодным, и света в нем не прибавилось.

– Я покойник, – прошептал он, стиснув безжизненный камень в кулаке. – Ты! Дура! Это всё ты!

Кулак без размаха, но с яростью ударил в изящную скулу, прикрытую слипшимися от пота и слез рыжими волосами. Ее голова мотнулась, пустой взгляд незрячих глаз чиркнул по потолку и вниз по стене, не пролитые слёзы капнули на пол.

– Я покойник, – в отчаянии повторил он.

Хорошая девочка. Она не злорадствовала. При жизни она была дурочкой, но не злой. Такие не становятся ночными призраками, жаждущими мести.

Он мог бы спать спокойно, если бы не знал, что тоже не доживет до утра.

Глава 1

– Бли-и-и!

Я стукнула кулаком по столу, словно желая в соответствии со сказанным разогнать круги-блины по зеркальной поверхности лакированного дерева.

– Что, донна Анна, не вспомнилось? – без промедления отозвался из приёмной мой помощник. – А я говорил!

Сочувствия в голосе Санчо было заметно меньше, чем злорадства. Он действительно уже не раз говорил, что девичья память коротка, так что мне следовало бы не запоминать пароли, а записывать их, для пушей сохранности попутно сообщая их верному помощнику.

Это не было проявлением мужского шовинизма: Санчо за равноправие. Просто он давно уже мечтает узнать шифр от сейфа, в котором я храню аккуратно распечатанную переписку с Яреком Грушевским. Это очень личные послания, но, зная творческую манеру Ярека, я не сомневаюсь, что однажды увижу более или менее отредактированную версию нашей с ним переписки в твердом переплете со знакомым фото на задней обложке. Впрочем, еще вопрос, кто первым пустит в ход эти секретные материалы – Ярек или я сама. У нас, писателей, своеобразное представление о том, как надо сохранять на века жгучие тайны!

А Санчо, прекрасно понимающий, что одни и те же цитаты в моей подаче будут выглядеть совсем иначе, чем у Ярека, не хочет дожидаться никакой публикации и жаждет загодя беспристрастно изучить документы.

– Пожалуй, ты слишком разбаловала помощника, позволив ему совать свой идеальный греческий нос в твою несовершенную личную жизнь! – попенял мне мой внутренний голос.

Однако сегодняшний день подтвердил огорчительную правоту Санчо. Среди паролей, которые я записала-таки в смартфон, нужного не оказалось! В соответствующем файле нашлись волшебные заклинания для блога, сайта, двух скайп-логинов, трёх личных страничек разных социальных сетей, четырех кредиток и пластиковой карточки авиакомпании, поощряющей меня бонусами как часто летающего пассажира. Там же обнаружились полезные комбинации кнопок для оптимальных режимов работы стиральной машины и микроволновки, а также последовательность команд, позволяющая мне, выдающемуся техническому бездарю, в редкие часы досуга кое-как управляться с шестью сотнями каналов спутникового телевидения.

Я тихо, но прочувствованно выругалась.

Сообразительный Санчо понял, что в воздухе запахло грозой, и счёл правильным резко увеличить дозу сочувствия к тупице-начальнице:

– Неужели нету? А ну, я посмотрю!

– Смотри!

Я легко отдала помощнику свой смартфон. Шифра от сейфа с любовной лирикой Ярека Грушевского там тоже не было.

– А вот это не оно? – Санчо постучал сверкающим полированным ногтем по экрану моего карманного компьютера. – 05кап+1я...

– Где, покажи?!

Вообще-то это было совсем не то, что я искала, но нечто по-своему замечательное и тоже в некотором роде таинственное: бабушкин фирменный рецепт пирогов. Значит, для начинки надо взять пол-кочана капусты и одно яйцо...

– Гм! – с намеком кашлянул мой внутренний голос, и я вспомнила, что мне сейчас не о пирогах надо думать.

Надо было восстанавливать напрочь утерянный пароль к «Одноклассникам».

– Ну, и ничего страшного! Ты ведь знаешь, что это очень просто, – успокоил меня Санчо и быстренько ретировался в приемную.

Я мрачно посмотрела ему вслед. Я действительно знала.

Восстанавливать пароль было не сложно, а стыдно, ибо я делала это уже в четвертый раз. И даже мысль о том, что помощь в процессе обретения нового волшебного слова мне будет оказывать бездушный робот, не очень-то утешала. Даже робот, наверное, уже должен был проникнуться моей изумительной тупостью!

На «Одноклассники» я не заходила больше года, и что сейчас делается на моей страничке, не имела представления. Она перестала меня интересовать одновременно с мужчиной, ради которого я объявилась в «Одноклассниках» пару лет назад. Смешно, но когда-то мы с ним действительно сидели за одной партой. И, как оказалось, в качестве смутного нематериального воспоминания мой одноклассник был намного приятнее, чем во плоти. Теперь я была готова похоронить его в прошлом окончательно и бесповоротно, так что и «Одноклассники» могли гореть синим пламенем погребального костра.

Вот только для того, чтобы удалить свой профиль на сайте, надо было сначала на него зайти.

– Ладно! – стиснув зубы, я в пятый раз прошла унизительную процедуру восстановления пароля.

В письме, которым откликнулся на это мое моральное харакири почтовый робот сайта, содержался новый пароль. Я бы не удивилась, если бы это было простое и емкое ругательное слово, но робот оказался сердоболен – он зашифровал свою оценку моей умственной деятельности в невыразительных цифрах.

Я с облегчением и признательностью подумала, что искусственный интеллект определенно превосходит человеческий разум. Санчо, небось, еще долго будет язвить и иронизировать по поводу моих взаимоотношений с «Одноклассниками», что бы за этими словами не стояло...

Я воспользовалась вновь обретенным паролем и зашла на свою страничку.

Теперь-то понимаю – зря я это сделала! Ох, зря...

«Опасное это дело, Фродо, выходить за порог. Ведь прямо за порогом начинается Дорога, и еще неизвестно, куда она приведет...»

Каюсь, я слишком любопытна. Ну, не могла я удалить свой профиль, не посмотрев, что там собралось за год с лишним – приветы, букеты... Ничего такого особенного, впрочем, и не было, если не считать одного сообщения.

Оно пришло полгода назад и осталось без ответа лишь потому, что я его не читала.

«Аннушка, ты же такая умная, так почему не богатая?.. Я твой счастливый билет... Не упусти... Скоро узнаешь...».

– Это еще что такое? – удивилась я вслух. – Очередной фанат?

– Где? – моментально примчался любопытный Санчо.

Вдвоем мы еще раз прочитали письмецо. Первую его фразу – про досадное несоответствие между имеющимся у меня умом и отсутствующим у меня же богатством – автор сообщения бессовестно списал с моего собственного сайта. Но последующие смутно заманчивые послылы он добавил от себя.

– Кто таков? – я прищурилась на имя, набранное латиницей. – Ка-ля... Каляка Маляка?!

– Да нет же! Калюка Малика! – поправил меня зоркий Санчо.

– Это хоть мужчина или женщина? – засомневалась я.

Желтый огонек игриво подмигивал, сигнализируя о том, что загадочный Каляка, тьфу, Калюка Малика в настоящий момент тоже присутствует на сайте. Отлично!

– Не знаю, но вообще-то Малика – это совершенно точно женское имя! – ответил мне Санчо, прижмурившись так, словно упомянутое имя навеяло ему сладостные воспоминания.

Я покосилась на помощника:

– Избавь меня от компрометирующих признаний! – и решительно кликнула по ссылке, чтобы зайти на страничку Калюки Малики, кто бы он (она, оно), не был(а,о).

– Да-а-а! – протянул Санчо после паузы – долгой и исполненной противоречивых чувств, как минута молчания в честь памяти павших героев.

Главное фото в профиле Калюки Малики было впечатляющим. В щелястой дощатой тележке, запряженной кротким осликом, горделиво восседал хлипкий чернокожий мужичонка неопределенного возраста.

– Мы живем на Занзибаре, в Калахари и Сахаре, – озадаченно процитировала я крепко запомнившиеся с детства строчки Чуковского. – Ну, и на кой черт мне такой счастливый билет в Африку?

– Может, он принц? Черный принц? – с робкой надеждой спросил мой помощник. – Смотри, вот есть еще фотка в университетской шапочке! Сама подумай, бедный африканец не смог бы отучиться в МГИМО!

Мы придирчиво рассмотрели оставшиеся снимки и подписи к ним.

Портрет холеного ослика в богатом убранстве и праздничном макияже сопровождал хвастливый текст: «Я сделал тюнинг тачки!». Неопикуемая лачуга из расслоившейся фанеры и мятой жести величалась коротко: «Мой офис». Три чернокожих богатыря – все в весе мухи Це-це и в шикарных лохмотьях цвета хаки – были представлены как «Я с папой и братом».

– Вранье! – уверенно сказала я. – Я готова спорить на что угодно – это розыгрыш!

– Неужели на что угодно?

Мой помощник сначала встрепенулся, потом задумался, явно прикидывая, не подвернулся ли ему шанс реализовать одно из своих тайных желаний. Таковых, помимо непреходящего желания прибавки к жалованию, вероятно, имелось немало, а определиться с приоритетом Санчо было трудно, так что молчание затянулось.

Я тем временем потянулась к клавиатуре и быстро настучала короткое и абсолютно честное признание уважаемому Калюке Малике:

«Я заинтригована!»

Ответ пришел даже раньше, чем ожил Санчо:

«Ты правда хочешь это выяснить? Что-то ждет тебя впереди, но ты этого еще не знаешь...».

– Эй, дружище, да ты меня заманиваешь? – хмыкнула я.

Градус моего настроения, давненько уже пребывающий на нуле, резко повысился.

Если кто-то вздумал меня охмурить, это будет занятно! По части охмурения я и сама специалист не хуже профессиональных жрецов и шаманов. Хотя официально на розливе опиума для народа не стояла и не стою.

Коварно ухмыляясь, я настучала:

«Знание – сила, разве нет?»

И получила зловещий ответ:

«Иное знание смерти подобно!»

– Ух, ты! – искренне восхитился Санчо. – Неужели маньяк?!

Его восторженному восклицанию не доставало только словечка «наконец-то». Ликующий помощник ободряюще похлопал меня по спине, намертво задавив побежавшие по ней мурашки:

– Донна Анна, я чувствую, что теперь к тебе уже очень скоро придет настоящая слава!

– Если посмертная, то лучше не надо! – благоразумно (что со мной бывает редко) откровенилась я. – Нет, Санчо, это не маньяк. Тут что-то другое...

И в моментальном озарении я написала:

«Чует моя писательская душа, вы, сударь, мистификатор!»

Попадание было меткое – сударь явно наскоро сверился со статьей в словаре и ответил:

«То есть, вы думаете, что я вас разыгрываю, обманываю, ввожу в заблуждение?.. Хм... Давай так (я в одностороннем порядке перешел на «ты»): позови меня в скайпе – abujastar».

– Ага, так он уже знает, что ты пользуешься скайпом! – прокомментировал Санчо, азартно сопящий за моим плечом.

Я обернулась. Глаза моего красавца-помощника горели предвкушением, а губы он уже сложил в лукавую улыбку, конфигуративно вполне подходящую для манящего поцелуя.

– А ну, брысь отсюда! – ревниво скомандовала я. – Это не твой, а мой фанат!

– Или маньяк, – напомнил обиженный Санчо, очень неохотно покидая кабинет. – Смотри, пожалеешь, что отказалась от моей моральной поддержки!

– Предпочитаю поддержку физическую, – ехидно пробормотала я и вышла из «Одно-классников», чтобы войти в скайп.

Искомый abujastar нашелся там мгновенно! Я чин-чином отправила ему стандартное приглашение и стала ждать, пока он добавит меня в свои контакты.

– Ты улыбаешься, как Мона Лиза! – уличил меня Санчо, заглянувший в кабинет под надуманным предлогом – узнать, не хочу ли я кофе с пирожным. – Ну-ну!

Это его «ну-ну» вполне можно было развернуть в пространный словесный пассаж – из тех, которыми мамки-няньки безрезультатно пытаются урезонить зарвавшееся дитяtko.

Я сделала вид, что ничего не слышу.

У меня уже с полгода не случалось сколько-нибудь перспективных знакомств. Таких, чтобы затрагивали не только тело, но и душу! Окружающие мужчины давно уже не кажутся мне интересными, у меня даже вошло в привычку заводить романы с кавалерами, находящимися от меня на расстоянии, как минимум, пары часовых поясов. И не просто в другом городе – желательно в другой стране.

Тот очевидный факт, что в радиусе четырех тысяч километров не находится достойных меня мужчин, заставляет меня чувствовать себя чем-то вроде неисправного ядерного реактора с широчайшей зоной поражения.

И это не лестно, а грустно и обидно.

Как каждая нормальная женщина, я мечтаю об идеальном мужчине, созданном исключительно и персонально для меня одной.

Не обязательно на всю оставшуюся жизнь. Можно в кратковременное пользование!

При этом тактико-технические характеристики данного уникального субъекта я представляю себе лишь в самых общих чертах. Первоначальный длиннющий список его непреходящих черт и качеств, дотошно составленный мною еще в ранней юности, за четверть века ужасался, как шагреновая кожа, фактически, до пяти пунктов: умный, сильный, жизнерадостный, свободный и дерзкий.

И теперь мне уже не суть важно, окажется ли он загорелым брюнетом атлетического телосложения или же изящным блондином с четкой, как татуировка, печатью интеллекта на высоком челе. От этого неведомого мне мужчины я хочу только одного: пожалуйста, пусть он будет таким, чтобы я его запомнила!

Санчо, надо признать, не без оснований ругает мою девичью память. Факты каждой, даже самой древней своей любовной истории, я помню крепко, но вот бурные эмоции былых романов выкипают у меня без остатка. Так что по отношению к бывшим возлюбленным я не испытываю ничего, кроме легкого недоумения: и как это меня угораздило? А хотелось бы и спустя годы после расставания вспоминать некогда любимого мужчину с нежностью и благодарностью! И даже немного гордиться тем, что он был моим.

Но такого завидного экземпляра в моем музее нет.

– А как же Павел? – напомнил внутренний голос. – Да и Ярек тоже...

Я поморщилась. С Яреком Грушевским у нас была не любовь, даже не страсть – захватывающий и искрометный фехтовальный поединок на перьях. А что было с Павлом...

– Что было с Павлом, то еще не совсем закончилось? – пронизательно угадал мой внутренний голос.

– Санчо! Тащи сюда свои пирожные! – рассердившись на себя за сентиментальность, громко потребовала я.

– А новенький, что, уже не радует? – съязвил помощник, брэнча посудой.

– Ах, да, новенький! – спохватилась я. – Калюка, он же Малика, он же abujastar...

Новый значок в скайпе уже позеленел – можно общаться, только сначала личную информацию посмотрим... Та-а-ак... Город Абуджа, страна Нигерия!

– Не ходите дети, в Африку гулять! – провозгласила я и тут же, как водится, нарушила строгий запрет Корнея Ивановича Чуковского.

– В Африке акулы! В Африке гориллы! В Африке большие злые крокодилы! – зловеще подхватил Санчо в приемной. – Будут вас кусать, бить и обижать! Не ходите, дети, в Африку гулять!

Но предполагаемо враждебная африканская фауна пугала меня не больше, чем вполне реальная перспектива продолжать томиться скукой и тоской в родных широтах. Многообещающий незнакомец КМ – Калюка Малика – с воистину горячим нигерийским приветом уже ждал моего появления в чате скайпа, и я не задержалась – с головой нырнула в новую авантюру.

Вот так и началось.

Полдня до обеда мы с моим новым приятелем проболтали в чате, причем, он первым делом клятвенно заверил меня, что не принадлежит к черной расе. Я поверила, потому что видела: парень явно мой соотечественник. Его письменный русский грешил не ошибками, а лишь опечатками, и в те моменты, когда КМ особенно увлекался разговором и пренебрегал типичными сокращениями компьютерного сленга, демонстрировал прекрасный слог, однозначно выдающий высшее образование и не менее двух поколений интеллигентных предков в анамнезе.

К тому моменту, когда мой верный оруженосец Санчо силой оторвал меня от компьютера и уволок на обед, я была уже совершенно очарована своим новым знакомым.

И, однако, он ухитрился остаться для меня незнакомцем, поскольку наотрез отказался сообщить мне свое настоящее имя, равно как и факты биографии, иначе, как при личной встрече! Мои слабые возражения со ссылкой на Чуковского, категорически не велевшего девочкам гулять в Африку, приняты не были.

За обедом я была так рассеяна, что излишне заботливый Санчо сумел скормить мне первое, второе и третье, а я даже не заметила, чем это меня пичкают!

Во второй половине дня я получила сразу три фотографии нового приятеля. На одной из них он был запечатлен в море, на борту яхты – топless. Увидев этот снимок, Санчо завистливо ахнул, жалостливо перекрестил меня и ушел к себе, сокрушенно покачивая головой. Я осталась замороженно созерцать полуобнаженную мужскую натуру: плоский «клетчатый» живот, выпуклую грудь и широченные бугристые плечи, однозначно выдающие спортивный разряд по плаванию.

Жаркая Африка перестала казаться мне пугающей и малопривлекательной. Ради близкого знакомства с таким экземпляром я полетела бы и на совершенно пустынный Марс! Пловцы-разрядники всегда были моей женской слабостью.

– Да уж! Мужчина, способный выплыть полтинник баттом из тридцати секунд, на многое сгодится и в постели! – с большим знанием дела заметил мой внутренний голос.

Я несколько нервно сглотнула слюну и справедливости ради напомнила себе, что эти фотки вполне могут быть такой же фальшивкой, как те, что висят на сайте «чернокожего» Калюки Малики – парный портрет с гламурным осликом, тройной – с родичами и одиночный – на фоне малобюджетного образца африканского деревянного зодчества типа «халупа».

Я заподозрила, что стала объектом тотального обмана. Было очень похоже, что мне морочит голову кто-то знакомый.

Во-первых, он довольно много обо мне знал, хотя насторожило меня даже не это. Совокупный тираж моих романов давно уже перевалил за миллион, так что читателей и почитателей у меня немало, и в интернете любознательный и неленивый человек может разведать обо мне столько, сколько никогда не знала даже моя родная мамочка (и слава богу, что она всего этого не знала!). Смутило меня другое: КМ словно видел меня насквозь. Он стопроцентно угадывал мою реакцию и говорил и писал именно то, что гарантированно способствовало моему полному и безоговорочному «охмурению». Я не могла не соблазниться, потому что всё, буквально всё сходило: это был он, мой идеальный мужчина!

Разумеется, первым делом я подумала, что меня жестоко дурачит один из моих «бывших». Уж они-то знают, каков мой идеал, ведь я всякий раз не жалела усилий, чтобы вылепить таковой из того, что было, да и сами «бывшие» поначалу очень старались соответствовать моим высоким запросам.

Прикинув на пальцах (тех, что на руках, не хватило, пришлось сбросить туфли и задеять ступни), кто из моих бывших героев достаточно изобретателен и коварен, чтобы сыграть со мной такую злую шутку, я написала короткий текст: «Дорогой, если это ТЫ морочишь мне голову в скайпе под ником abujastar, лучше признайся сразу, потому что я уже злюсь!» – и отправила письмецо адресатам по электронной почте в режиме веерной рассылки.

Боже мой, как это оживило мои неактуальные международные связи! Обиженные, возмущенные, завистливые отклики на трех языках посыпались в мой ящик из разных стран мира! Интерес к моей персоне мгновенно и в высшей степени реанимировался даже у тех, кого я давно уже записала в нежизнеспособные! Однако вину за содеянное не взял на себя никто.

И вскоре я удостоверилась, что «бывшие» мои, действительно, вне подозрений: КМ мне позвонил, и в ходе долгого разговора я убедилась, что его голос мне незнаком.

А голос был хорош! Низкий, слегка тягучий, с ленцой, насмешливый голос уверенного и сильного человека, который может себе позволить говорить то, что хочет, и как хочет. Когда хочет, где хочет, кому хочет... Заметьте, это звучит эротично даже в режиме описания!

Я ясно осознала, что меня влечет к этому наглому самоуверенному типу, когда поняла, что он совершенно искренне считает себя венцом творения. Не потому, что форма нашей планеты порождает приятное заблуждение, будто каждый из нас находится на вершине мира! Потому, что на форму нашей планеты, как и на многое другое в этой жизни, ему попросту наплевать. Земля может быть круглой, плоской, да хоть квадратной и стоящей на пирамиде из трех слонов и одной черепахи! Этот мужчина по опыту знает, что самый неудобный ландшафт с готовностью прогнется, чтобы обеспечить лично ему непревзойденный комфорт.

Очень опасный мужчина!

– О-о-о-о, да тебе, никак, сильной руки захотелось? – с веселым изумлением протянул мой внутренний голос. – Пришла блажь почувствовать особенный вкус железа на зубах? А как же камарги, они уже не идеал для подражания?

Камарги – это легендарные белые лошади, которые с незапамятных времен носятся по жирным от речной тины берегам Роны в моем любимом Провансе. Дикие лошади, которых невозможно приручить! Быстрые, как моя мысль, и вольные, как мои же тайные желания...

– Ерунда, – с досадой и не без смущения пробормотала я, заподозренная в постыдном желании сдать на милость более сильного. – Всё не так! Надо же понимать...

– Да понимаю я, всё понимаю, – проворчал внутренний голос. – Чего уж тут не понять... Ты просто думаешь, что ЭТОГО парня ты не сможешь подавить! Кстати, а ведь он немного похож на Даниэля...

– Не трогай Даниэля! – бешено рывкнула я и с размаху вlepила в стену блюдце с крошками от пирожного.

Получилось звучно – для начала. В продолжение сам собой напрашивался самозабвенный женский плач с освященными вековой традицией причитаниями в духе «ах, я бедная, несчастная, да за что ж мне всё это...».

М-да. Ветер перемен, прилетевший из далекой Африки, всколыхнул мои истрепанные нервы, как гирлянду флажков!

Санчо молча принес мне коробку бумажных носовых платочков, поставил ее рядом с клавиатурой, вышел и снова вернулся с рюмкой и початой бутылкой текилы.

– Оставь пузырек, – опрокинув рюмку, хрипло попросила я.

– Обойдешься, – ответил грубиян и удалился с бутылкой, на сей раз плотно прикрыв за собой дверь.

Я вздохнула и посмотрела на осколки блюда, белеющие на ковре.

Не трогать Даниэля. Не трогать Алекса. Не трогать Павла. Не трогать Марика. Грушевского – и того не трогать... Не многовато ли у меня набралось неприкасаемых?

– Ну, ладно, ладно, прикасайся ты к кому захочешь! – визгливо – на грани истерики – отозвался мой внутренний голос.

Я только кивнула, как упрямый ослик. Я уже точно знала, что полечу к этому парню хоть в африканское пекло, хоть в самый ад.

Я очень, очень, очень устала быть сильной и смертоносной, как неисправный ядерный реактор с огромной зоной поражения.

Ярослав Грушевский, видный мужчина, известный писатель, последний романтик старого света и кумир трепетных одиноких дам, орал и топал ногами на приходящую домработницу, выбивая из толстого ковра столбики пыли, похожие на миниатюрные смерчи.

Прислуга, потупив голову, с прискорбием смотрела на ноготворные торнадо, и чувствовала себя виноватой.

Ковер она, конечно, пропылесосила плохо. А вот того, за что ее ругал пан Грушевский, домработница вовсе не делала, однако объяснить и, тем более, доказать это писателю не представлялось возможным!

Ярек Грушевский способен был накатать за один присест целую главу романа, а для того, чтобы выдать монолог минут на десять, ему и присаживаться не надо было. Домработница по опыту знала, что перебить пана Ярослава невозможно – это не удалось даже язвительной ведущей популярного телевизионного шоу. Оставалось лишь надеяться, что он предоставит обвиняемой традиционное последнее слово.

Прислуга терпеливо ждала, хозяин вдохновенно ругался.

Этим утром Ярослав Грушевский обнаружил пропажу одной папки с грифом «Личное». Всё личное у популярного автора рано или поздно становилось достоянием общественности, и исчезновение большой подборки писем, способных при небольшой обработке сложиться в увлекательный любовный роман, пан Грушевский воспринял как коварный и болезненный удар по своим творческим планам.

Здравая мысль о том, что интимная переписка, попади она в желтую прессу, скомпрометирует и его, и даму, пана Ярослава, разумеется, посетила, но была отодвинута в сторону. Сам Грушевский, будучи мужчиной дважды разведенным, никакой огласки не боялся, даже наоборот, полагал, что упрочить имидж ловеласа ему не помешает – это положительно скажется на росте продаж его сочинений. А заботиться о репутации дамы он и вовсе не собирался.

Дама имела дерзость обидеть пана Ярека и как мужчину, и как писателя, выстроив концовку их бурного романа по-своему, без учета мнения и желаний партнера, и теперь пан Грушевский полагал возможным и даже необходимым посылить ей отомстить.

Именно поэтому, до хрипоты прооравшись на кроткую домработницу, а затем в паре с ней безрезультатно перерыв все полки и ящики, Ярослав Грушевский даже не подумал уведомить о пропаже подборки эпистолярной лирики свою бывшую подругу по переписке.

Глава 2

Верить в Бога меня не научили. А веру в иные руководящие силы я утратила примерно тогда же, когда и девственность – лет в девятнадцать. Впрочем, это не было взаимосвязано, так как невинности я лишилась отнюдь не во славу КПСС, а потому, что того требовал социальный статус: вышла замуж – будь любезна!

Быть любезной получалось не очень.

Какой-то особой прелести в межполовом общении с мужем я по неопытности не находила, а поискать этих самых особых прелестей на стороне мешали мамино воспитание и мои собственные принципы – их я по прошествии десяти лет самокритично переименовала в комплексы.

Однако воображение у меня богатое, так что я всегда подозревала, что весьма большой и важный кусок жизни проходит мимо меня – и едва не подавилась этим вождленным куском, когда дорвалась до него после развода. Его я по сей день считаю одним из самых правильных поступков в своей жизни, за что не устаю благодарить Бога, в которого вообще-то не верю.

Я верю в то, что в жизни не бывает случайностей.

Мироздание складывается по сложному, но четко выверенному архитектурному проекту.

Все дела под интригующим грифом «Вдруг...» рано или поздно оказываются звеньями одной цепи, и лично меня эта цепь нисколько не тяготит. Я вполне согласна с коллегой Булгаковым: «Всё, что с нами происходит, делается правильно и всегда только к лучшему»!

– Да, но трудно поверить, что обязательными и правильными были те твои две пятилетки без результативного секса! – уел меня Санчо, оборвав на середине мой эмоциональный монолог.

Я подавилась недосказанным и припала к соломинке, торопясь притвориться, будто поперхнулась коктейлем.

Мохито был отличный – холодный, в меру сладкий и с таким сочным вкусом, что не было сомнений: мята перекочевала в мой стакан прямым с грядки. Определенно, решение пропустить по стаканчику в баре было правильным.

– И тоже не случайным! – поддакнул Санчо, смакуя тугую вишенку из своего ядовитого пойла.

Мы закатились в бар, чтобы небольшим приятным возлиянием отметить начало небольшого приятного романа. Я, правда, про себя подумала, что ограничивать размеры ожидаемого приятного заранее, пожалуй, не стоит, ибо мироздание может принять мою скромность за заказ и выстроиться менее монументально, чем могло бы.

– Ну, как сложится, так сложится! – без особой надежды заметил Санчо, не склонный поощрять мои аппетиты.

Нигерийские пустыни (или что там у них?) не казались ему благодатной почвой для роста и развития качественного романа. И виноват был в этом не столько покойный Корней Иванович Чуковский, скомпрометировавший Африку в целом стихотворными ужасиками про крокодила и Бармалея, сколько живой и здравствующий Посол Республики Нигерия в Российской Федерации.

Этого достойного господина мы с Санчо совсем недавно созерцали на пресс-конференции в администрации края, и мой зоркий помощник разглядел, что у полномочного представителя Нигерии под брюками вовсе нет носков! Естественный черный цвет нижних конечностей босоногого посла неплохо маскировал этот прискорбный факт, однако у Санчо сложилось самое нелестное мнение об экономическом положении страны, не способной полноценно экипировать своего полномочного представителя.

Остаток пресс-конференции мой помощник терзался нездоровым любопытством, гадая, чего еще нет у посла под брюками? Случай узнать это Санчо не представился, однако, если бы теперь я доверила собирать свой чемодан помощнику, то наверняка полетела бы к новому знакомому в Абуджу с грузом гуманитарной помощи из продуктов питания и изделий чулочно-бельевой группы.

Впрочем, я еще не сообщила Санчо, что уже всерьез подумываю о небольшом секс-туре в знойную Африку. Мои помощник – неисправимый романтик, а я с годами воспитала в себе здоровый цинизм, и Санчо это нередко шокирует.

Нет, в душе-то я тоже нежная, милая, ранимая и кроткая – как тот экзотический фрукт, который тает во рту, предварительно исколов неосторожному лакомке все руки. Просто я давно усвоила: самый короткий путь из пункта А в пункт Б – это прямая. Так зачем же петлять, запутывая партнера и в процессе плетения словесных кружев забывая о своей собственной цели? «Вы привлекательны, я – чертовски привлекателен, так чего же время зря терять? Приходите ночью на сеновал!» – резонно говаривал обаятельный персонаж Андрея Миронова в «Обыкновенном чуде».

Этот парень Калюка Малика, настоящее имя которого наверняка на сто процентов славянское, без предисловий и церемоний сообщил мне, что я интересую его исключительно как женщина. А я, хоть и не могу считать себя звездой, уже достигла того положения и уровня известности, когда подобное чистосердечное признание радует, как глоток чистой холодной воды в жаркий полдень. Однажды я уже испытала глубокое разочарование, неправильно расценив намерения юноши, который порывисто бросился ко мне на улице – как оказалось, за автографом.

– Ну, ты не такая уж красавица, чтобы юноши с разбегу заключали тебя в объятия! – «утешил» меня тогда Санчо.

– Почему это я не такая?! – по инерции возмутилась я – и сникла.

Санчо снова был прав. Я не такая!

Мужчины редко подходят ко мне с прямыми предложениями интима. Желающих-то хватает, только они подолгу крутятся вокруг да около, беззвучно разевая рты, как вытасненные на берег рыбины, и в девяти случаях из десяти отчаливают, так и не нарушив обет молчания. А тот десятый, который все-таки остается и мужественно озвучивает свои гнусные намерения, обычно оказывается низколобым типом с пониженным чувством опасности и не проходит у меня даже предварительный фейс-контроль.

Вот тут Санчо оказывается гораздо циничнее, чем я: он говорит, что я недостаточно раскрепощенная. А я говорю, что закрепощенной меня тоже не назовешь, ведь я не жду, что меня будут осаждать благородные рыцари!

Я этого давно уже не жду. Да я сама готова взять штурмом любого благородного рыцаря, если только он окажется умным, сильным, жизнерадостным, свободным, дерзким... И хотя бы немного более симпатичным, чем Квазимодо!

Я чувствовала себя и в силах, и вправе проявить инициативу.

То есть, так было неделю назад.

А сегодня я ощущала себя и бессильной, и бесправной. И в глазах у меня больно кололо, словно туда попали сухарные крошки.

Слёзы были едкие и радужные, как бензиновая плёнка, поэтому я плохо видела дорогу. Наверное, надо было остановиться, присесть на уединенную лавочку под ёлкой погуще и дожждаться просветления в очах и в уме, но я боялась, что в комфортных условиях персонального хвойного убежища моментально расклеюсь и расплачусь, а вот этого мне совсем не хотелось.

Мне хотелось подхватить с земли увесистый булыжник и с реактивным ревом запустить его вверх, в небо, с силой, достаточной, чтобы сбить с орбиты некрупный спутник или того из

божьих ангелов, который допустил, чтобы я так вляпалась. Руки ему поломать, паршивцу, а также ноги и лук со стрелами...

– Сама виновата! – безжалостно добил меня внутренний голос. – Надо было беречься!

Как будто я должна была идти по жизни в бронежилете и каске, дополнительно прикрываясь от летящих в сердце стрел плексигласовым щитом!

И как будто эти стрелы летели в меня так уж часто!

И как будто не отскакивали обычно, как от железобетонной!

– Булыжник мне, булыжник! – пробормотала я с драматической интонацией Чацкого, который в аналогичных выражениях требовал себе карету.

Мироздание проявило издевательскую предупредительность и с готовностью подогнало искомый булыжник мне под ногу. Я споткнулась, выругалась, потеряла щиколотку и вынужденно похромала к ближайшей лавочке.

Уединенной она, увы, не была: какая-то пожилая дама в полотняной панаме восседала там, покойно сложив руки на животе и милостиво взирая на цветущую клумбу сквозь черные очки. Я опустилась на край скамьи, с неприязнью посмотрела на алые георгины редкого сорта «Пыльное сердце» и тяжело вздохнула.

Моего плеча коснулось что-то мягкое. Я вздрогнула и повернула голову: соседка по лавочке расцепила руки и одну из них протянула в мою сторону. Зажатый в пальцах белый платочек придавал сидящей даме карикатурное сходство с фольклорной плясуньей, которую приступом радикулита заклинило в нижнем присяде.

Я с некоторым трудом – видно, мозги раскисли от не пролитых слёз – сообразила, что платочек любезно предложен именно мне и, помешкав, взяла его:

– Спасибо.

– Пожалуйста, – у пожилой дамы был приятный мягкий голос. – Не плачьте, деточка. Он негодяй и не стоит ваших слёз.

– Он стоит намного больше! – огрызнулась я и яростно потеряла глаза батистовой тряпчочкой. – И вообще! Я вовсе не плачу! Это у меня аллергия.

– На негодяев, я полагаю?

Дама усмехнулась тонко, а я – криво.

Исключительный талант вляпываться в истории не подвел меня и на этот раз.

От риторического вопроса: «Господи, ну, почему я такая дура?!» я воздержалась только потому, что нельзя же, в самом деле, регулярно приставать к Всевышнему, в которого даже не веришь, с одним и тем же «почему?», как пытливый малыш к глухонемой няньке!

Три дня назад я все-таки купила авиабилеты в столицу Нигерии. На сайте авиакомпании рядом с нужным мне рейсом помаргивала надпись «последний билет», и я решила, что это знак.

Видимо, так оно и было, только я ошиблась в трактовке сигнала: это был запретительный красный свет!

Сегодня загадочный мужчина, свидание с которым я уже считала делом решенным, позвонил мне и сказал, что наша встреча не состоится. К сожалению, в означенные даты его не будет не только в Абудже, но и вообще в Нигерии, и даже в Африке. У него дела!

– Я понимаю, – светски сказала я, намертво задавив порыв капризно зануть.

Мне было совершенно ясно, что обижаться я могу только на себя.

О, я оценила, как аккуратно он представил неприятную для меня новость: щедро отсыпав мне комплиментов до и после, теплым тоном. Спрятав шокирующее сообщение в лёгкий салонный трёп, как гадюку в букет. Проявив и хорошее воспитание, и такт, и изобретательность, и знание женской психологии... Да какие у меня могут быть претензии к такому замечательному мужчине?

Я покачала головой, мысленно отвесила пару вполне заслуженных пощечин самой себе, и смиренно ответила общительной даме:

– Он не негодяй.

– Неужели?

Бархатный голос побуждал исповедоваться.

Я еще раз вздохнула и призналась:

– Он мне очень понравился...

– Я вас понимаю.

– Нет, не понимаете! – заспорила я.

– Прекрасно понимаю.

Тут до меня дошло, что мы препираемся точь-в-точь как персонажи из старой дурацкой рекламы про чудесное средство от насморка, и я нервно хихикнула.

– Вот так-то лучше, – одобрила дама.

– В самом деле, ты чего раскисла? – присоединился к беседе мой внутренний голос. – Можно подумать, это была любовь твоей жизни! Можно подумать, у тебя разбилось сердце! Да уж, куда там! Ха!

– Нет, разбилась всего лишь моя очередная хрустальная мечта, – иронично хмыкнула я и собралась с силами, чтобы встать с лавочки и пойти дальше по своему жизненному пути – тернистому и густо усеянному осколками всего разбитого.

– Стекло бьется к счастью, – уверенно сказала дама.

Она как будто прочитала мои мысли и поняла, что я хочу уходить:

– Идите, деточка, идите. Всё будет хорошо!

– Да-да, – хмуро согласилась я, вздернув на плечо ремень сумки и таким образом приготовившись продолжить свой многотрудный поход в условно светлое будущее. – Разумеется, всё будет хорошо, но не у всех...

– У вас всё будет хорошо, – моя собеседница уверенно акцентировала местоимение. – Я знаю. Я вижу.

С расстояния в три шага я оглянулась на лавочку и только тут заметила белую тросточку, с какими ходят слепые.

Ага, видит она что-то, как же!

Эх...

Мимо Санчо в приемной я прошла твердым шагом, нарочито не замечая вопросительно вздернутые брови помощника. Наверняка он заметил, что глаза у меня мокрые и красные, а тушь размазана, но я не собиралась откровенничать. Не сейчас. Позже, когда я успокоюсь и смогу отнестись к ситуации с юмором.

– А что? – встревожено вякнул Санчо, но я осадила его предостерегающим жестом и рывкнула:

– Что, что... Аллергия у меня!!!

В кабинете я швырнула на диван сумку, тычком включила компьютер, бухнулась в кресло и уставилась на свое отражение в мониторе, как на врага народа. Монитор не выдержал психической атаки и малодушно просветлел. Скайп я даже включать не стала – зачем? Теперь ему дорога туда же, куда и «Одноклассникам».

Я открыла ничем не скомпрометированный Ворд и выдохнула, собираясь с мыслями.

Тихо скрипнула дверь. Я подняла глаза: на пороге, сдвинув пятки, развернув плечи и без всякого выражения глядя поверх моей головы, высился Санчо. Образ чопорного английского дворецкого шел ему чрезвычайно.

– Кгхм...

– Да? – обронила я с ледяной вежливостью некстати потревоженной благородной леди.

– Вы, мадам, эту свою аллергию чем лечить изволите? Опять спиртным? Или мне в аптеку сгонять? – не глядя на меня, спросил мой помощник таким хамским тоном, за который чопорного английского дворецкого турнули бы с туманного Альбиона без рекомендаций и выходного пособия.

– На сей раз нашу аллергию мы будем лечить работой! – с вызовом ответила я и демонстративно придвинула к себе клавиатуру.

– А-а, значит, дело совсем плохо, – пробормотал Санчо и тихо испарился.

В растрепанных нервах мне обычно превосходно работается. Нет лучшего способа забыть о своих проблемах, чем создать таковые кому-то другому!

Я ворвалась в третью главу незаконченного романа, как смерть с косой.

Изначально на данном этапе предполагалась небольшая романтическая история, но я вычеркнула ее из своих творческих планов и бестрепетной рукой лишила жизни всех подходящих кандидатов в герои-любовники.

Главную героиню я заточила в тюрьму, тюрьму водрузила на одинокую скалу, вокруг скалы квадратно-гнездовым порядком расположила объединенную армию каннибалов и зомби, этих окружила раскаленными песками пустыни, а пустыню населила двухметровыми скорпионами-мутантами с нездоровой тягой к общению.

После того, как насекомые монстры жестоко расправились с группой деловых туристов в щелястых тележках на осликах, мне полегчало, поэтому осликов я не тронула.

Синей зубчатой молнией с неблагоприятных небес я испепелила тележки и на этом мой разрушительный порыв окончательно иссяк.

Я даже проявила гуманизм и позволила главной героине по случаю разжиться крепкой стальной ложкой для рытья подземного хода на волю, но эта неблагодарная дрянь, почувствовав, что я подобрела, первым делом попыталась соблазнить своего тюремщика, и мне пришлось напомнить ей старый добрый советский лозунг: «У нас в стране секса нет!». А раз у нас его нет, то и у других не будет – во всяком случае, в том мире, где бог и царь – я, автор художественного произведения.

Выплеснув негатив на бумагу, я устало откинулась в кресле и в наступившей тишине услышала женский голос в приемной:

– Что, она сейчас занята?

– Так, немного, – небрежно ответил Санчо. – Полагаю, набрасывает сценарий апокалипсиса!

Я тихо застонала, потому что узнала женский голос. Это была Машера, про которую я совсем забыла! Моя двоюродная сестрица из Павлодара.

– Ну, тогда, может, хоть второе пришествие пройдет, как приличное шоу! – заметила кузина и бесцеремонно распахнула дверь в мой кабинет. – Тёпа, неужели у тебя уже склероз?

– Здравствуй, дорогая!

Я сделала приветливое лицо, привстала в кресле и повела рукой, приглашая родственницу не церемониться. Впрочем, этого от Машеры не дождешься. Она бухнулась на диван, взметнув подолом, попрыгала на подушках и показала мне большой палец:

– А ты тут хорошо устроилась! Молодец!

Я натужно улыбнулась, вышла из-за стола, походя прикрыла окно (во дворе уже с полминуты бешено орала автомобильная сигнализация), переступила через Машкины вытянутые ноги, выглянула в приемную и распорядилась:

– Саш, тащи кофе и сладкое, что у нас есть!

– Тёпа? – вне прямой связи с моими словами заинтересованно повторил Санчо и умиленно поморгал ресницами.

– Забудь, – хмуро велела я.

Машку захотелось отдать на растерзание каннибалам, зомби и скорпионам-мутантам.

В нашей семье испокон веков существует очаровательная традиция сызмала награждать детишек милыми домашними прозвищами. И, поскольку нет ничего более постоянного, чем временное, эти заменители приличных ФИО прилипают к своим носителям, как банный лист к распаренному седалищу – не оторвешь!

В нежном возрасте девяти месяцев я получила от любящих родственников в пожизненное пользование домашнее прозвище Тёпа – за то, что сосредоточенно озвучивала свои самые первые шаги: «Топ, топ, топ».

Лет в пятнадцать, когда ко мне в гости стали заглядывать мальчишки, я устроила родичам дикий скандал, категорически потребовав в присутствии посторонних людей называть меня человеческим именем, но это не очень помогло. Машка, вот, по-прежнему кличет меня, как младенца. Впрочем, сама она невозмутимо отзывается и на Машерочку, и на Масянделя.

– Мань, прости, я забыла оставить тебе ключи, – повинилась я за кофе с пирожными.

– Ты забыла, что мы приезжаем? – не поверила сестрица.

– Мы?

У меня упало сердце. Это Машкино «мы» могло означать только одно: она приехала не в единственном числе, а со своими кородами. В таком случае, мою забывчивость, действительно, можно было объяснить только очень тяжелой формой склероза, если вообще не амнезией. Машкины потомки Дуся и Руся производят стойкое и тяжелое впечатление даже на очень закаленных людей – цирковых укротителей, сотрудников террариумов и заслуженных работников переполненных сумасшедших домов.

– Детки ждут меня во дворе, – сообщила Машера.

Сразу стало понятно, почему в одном дворе с Дусей и Русей слаженным хором орут автомобильная сигнализация, коты и дворник дядя Митя.

Я поспешно поставила чашку, с непрожеванным куском пирожного за щекой метнулась к столу и вытряхнула на него всё содержимое своей сумки:

– Вот ключи от квартиры, езжайте домой!

– Не спеши, успеется, давай сначала поболтаем, посекретничаем по-женски, пока нам детки не мешают! – отмахнулась Машера.

У нее нервы, как якорные цепи «Титаника».

– Не мешают? – повторила я, обеспокоенно прислушиваясь к нарастающему шуму во дворе.

Там что-то грохнуло, и мимо окна ночными бабочками полетели серебристо-черные хлопья.

– Разве может нормальный ребенок с петардой пройти мимо пустого мусорного бака? – пожав плечами, философски ответила сестрица на мой невысказанный вопрос. – Всякому же ясно – стальной контейнер ухнет так, что закачаешься!

Я подкатила глаза и увидела, что на потолке качается хрустальная люстра, не менее отзывчивая, чем стальной контейнер.

– Ладно, я пойду, – Машера встала и подхватила со стола тарелку с пирожными. – Не задерживайся на работе, тебя ждет праздничный ужин в семейном кругу!

Я вздрогнула, но сестрица этого не увидела – она удалилась. Через тридцать секунд во дворе раздался богатырский посвист, и почти сразу же замолчали коты и дворник. Сигнализация еще завывала, но в сольной партии звучала так себе – как Николай Басков вне дуэта с Монсеррат Кабалье.

– Что это было? – опасливо спросил Санчо, явившись убрать посуду со стола.

– Моя семья.

– А я-то думал, что ты – самый яркий ее представитель!

– Да уж куда мне.

Я сдвинула в сторону вываленное на стол барахло, села и пригорюнилась, постигая весь ужас сложившейся ситуации.

Один тихий семейный ужин с Машерой и ее вооруженными петардами короедами я еще кое-как переживу, но они же ко мне на целую неделю приехали! И я так радовалась, что именно эти дни проведу в Нигерии, с новым знакомым, гориллами и крокодилами – то есть, в куда более приличной компании, чем Машера с ее детками!

– Ну, есть еще вариант переселиться на недельку в офис или в отель, – неуверенно предложил внутренний голос.

Я покачала головой. Если я демонстративно сбегу из дома – Машера обидится. Другое дело, если я куда-то улечу – срочная командировка на край света сойдет за уважительную причину отсутствия в семейном кругу. Но на том краю света меня, как выяснилось, никто не ждет, а сама по себе Нигерия меня не очень привлекает...

Мой тоскливый взгляд упал на тонкий пластиковый файл, сложенный втрое. Сквозь прозрачный полиэтилен ясно просвечивала строчка «Маршрутная квитанция электронного билета», а также название промежуточного пункта назначения: Вена.

– Хм! – обнадежено молвил внутренний голос. – А что, если...

Я протянула руку, взяла файл и вытащила из него распечатки своих электронных билетов – два бумажных листа. Два!

– Так-так-так... А вот это мысль! – повеселевшим голосом сказала я вслух.

В Абуджу мне предстояло лететь с пересадкой – через Вену, и я не смогла найти транзитный рейс, воспользовалась услугами двух разных авиакомпаний. Стало быть, теперь я могу вообще не лететь в Нигерию, ограничиться путешествием в Австрию, а там-то мне никакие новые знакомые не нужны! В Европе у меня и старые (причем, не годами!) знакомые найдутся!

На то, чтобы аннулировать билет Вена-Абуджа-Вена, хватило десяти минут. Еще часа четыре я, презрев работу, провела в ближайшем торговом центре, подбирая обмундирование для туристической вылазки в столицу Австрии – туда явно следовало снарядиться иначе, чем к гориллам и крокодилам.

Вечером я на редкость мужественно выдержала семейный ужин с Машерой и ее детками, которые вели себя, как те ангелочки, которым для душевного спокойствия окружающих не мешало бы оборвать крылья вместе с руками.

Оставшиеся до вылета в Австрию ночь, день и еще ночь я лежала пластом. У меня ничего не болело, но держалась, не спадая, противная температура 37,4.

– Какая-то странная у тебя болезнь, Тёпа, – опасливо заметила Машера, во избежании инфекции отогнав от меня подальше своих дорогих короедов.

Дусю и Русю, я уверена, не одолела бы и бубонная чума, а уж моя-то хворь и вовсе не представляла для них никакой опасности. Я знала, что происходит: мой организм боролся со сладким ядом никому ненужной влюбленности. Тело, как обычно, сориентировалось в происходящем быстрее, чем душа, и не замедлило с реакцией. Чтобы не мешать ему выздоравливать, я отключилась от всех внешних раздражителей вроде Машеры с ее потомками, телефона и интернета.

Это помогло. Утром в день вылета я была здорова, бодрa, исполнена приятных ожиданий и старалась не вспоминать о Калюке Малике, как будто его и вовсе не было.

Впрочем, его ведь и в самом деле не было. Я придумала себе виртуальный роман с идеальным мужчиной, потому что невыносимо скучала и страстно желала приключений.

Ох, не зря говаривали древние китайцы: «Бойтесь ваших желаний, ибо они могут сбыться»!

Он звонил ей весь день, а потом, сокращая интервалы между попытками, и всю ночь. Он набирал знакомый номер – пальцы сами прыгали по нужным кнопкам в давно заученном танце – и ждал, что невыносимые долгие гудки оборвет знакомый голос.

Он знал, что она произнесет не «алле», как все нормальные люди, а «да», причем, с утвердительной интонацией, словно заранее соглашаясь со всем, что он захочет ей сказать и предложить. Эта ее манера до сих пор его волновала, но теперь еще и вызывала ревность. Почему она не берет трубку? Чем она занята? С кем? И где?

Наконец он потерял надежду дозвониться ей, перерыл свою почту и в одном из писем нашел мобильный телефон ее красавца помощника. Набирая его номер в шесть утра (у него самого было и вовсе четыре!), он не ощущал никакой неловкости. Дело было серьезное – вопрос жизни и смерти.

– Чьей именно жизни и смерти? – длинно зевнув в трубку, уточнил красавец помощник.

И, услышав в ответ яростную ругань на польском, наконец, проснулся, узнал его и перестал выпендриваться.

– Да. Да. Конечно. Я ей передам. Обязательно! При первой же возможности.

Интонация ему понравилась, а формулировка – нет.

– Что значит – при первой возможности? Что с ней? Где она?!

– Где?

Помощник замолчал, как будто опять уснул, но расширенная подборка ругательств вновь его активизировала:

– Ну, сейчас где-то над Беларусью, я думаю! Самолет взлетел час назад...

– Какой, твою мать, самолет?! Куда летит?! – он заорал в трубку так, что в спальне через две комнаты проснулась жена.

Он услышал ее встревоженный голос – она позвала его:

– Дорогой? Дорогой!

Он ничего не ответил, напряженно, с нарастающим страхом вслушиваясь в слова телефонного собеседника и понимая, что опоздал со звонком.

– Какой самолет – я точно не знаю, думаю, боинг, а летит он в Австрию! – взбодренный двужычной руганью, оживленно пролопотал ее помощник.

– Куда именно? – его голос упал до шепота.

– В Вену...

– Номер рейса и время прибытия, живо! – прижимая к уху мобильник, он пинком распахнул дверь и побежал по коридору в спальню.

– Один момент, я посмотрю...

– Дорогой?

Встревоженная жена уже встала с постели и зябко завернулась в халат. Не обращая на нее никакого внимания, он распахнул дверь гардеробной, сдернул с вешалки первые попавшиеся брюки и запрыгал по полу на одной ноге, пытаясь одеться без отрыва от телефона.

Если ему повезет, он успеет в Вену чуть раньше, чем она.

И ей очень повезет, если он успеет.

Глава 3

– Возьми сливу, детка, скушай! Хороший балшой слива!

Я открыла глаза, и «хороший балшой слива» зависла перед моим лицом, как действующая модель дирижабля.

– Большое спасибо, – вежливо сказала я, принимая угощение.

Не принять было неудобно: перед этим соседка уже предлагала мне поочередно шашлык, долму, самсу и лаваш, от которых я последовательно отказалась. Мне в качестве легкого завтрака вполне хватило скромного угощения от авиакомпании – чая с молоком и печеньем. А вот соседка справа – черноволосая усатая бабуля с такими пышными формами, что откидной сто-

лик, войдя в контакт с ними, установился под опасным углом, – вскоре после взлёта достала из своей сумки несколько судочков с домашней едой, и далее мы полетели в ароматах армянской шашлычной. Меня-то это не сильно нервировало, но мой сосед слева то и дело недовольно шмыгал носом и даже обмахивался книжкой – каким-то научно-популярным трудом.

Я полюбопытствовала – при удобном случае заглянула в его книгу и выхватила из текста фразу, которая поразила моё воображение: «На вершине горы часы идут медленнее, чем у ее подножья, и это релятивистский эффект, а не гравитационный».

– Seriously? – озадачился мой внутренний голос. – Нет, правда?

Я покосилась на соседа, прикидывая, не обратиться ли к нему за объяснениями. Но он оказался огорчительно необщительным типом: заметив мой взгляд, сделал отсутствующее лицо и отвернулся к иллюминатору.

– Ну, и ладно, – пробормотала я. – В интернете поищу...

Про часы, которые на горе идут медленнее, чем в долине, мне было очень интересно. Если это правда, то почему так? Неужели на вершине само время течет с другой скоростью? Хм, тогда понятно, почему все известные мифы называют местом жительства бессмертных богов именно заоблачные вершины!

– Сказки, – проворчал мой внутренний голос.

Он у меня зануда.

– Сказка ложь, да в ней намёк! – заспорила я.

– Ты же не веришь в бога! – напомнил внутренний голос.

– Ну...

Я надолго замолчала, уже не в первый раз отчаявшись разобраться в путанице собственных представлений.

Трудно оставаться реалистом, когда с тобой происходит что-то очень странное. С другой стороны, всё странное может иметь вполне реальное объяснение. Наверное, когда-нибудь наука обоснует, препарирует и разложит по банкам с формалином все возможные чудеса... И я, если захочу, могу дожить до этого времени.

Потому что я не совсем обычный человек.

Я – Алый Ангел.

Это мой собственный термин, не имеющий отношения к какой-либо известной мифологии. Мою сказку мало кто знает, и это очень хорошо. Мне бы не хотелось, чтобы добрые люди гонялись за мной с осиновыми кольями.

Алый Ангел – это существо из плоти и крови. Не фантастическое создание, а реальная женщина. Или мужчина – таких, мне кажется, должно быть больше. Мы настоящие, и всё у нас в высшей степени настоящее: влечение – затягивающее и головокружительное, желание обладать – откровенное, жадное, мощное; страсть – подкупающе безрассудная. И экстаз, не совместимый с жизнью.

Термин «Алый Ангел» я сочинила сама, но его вполне мог бы обозначать какой-нибудь китайский иероглиф. Древние даосы знали о людях, которые достигли бессмертия, овладев тайнами сексуальной практики. К примеру, в одном из рассказов «Ле сянь чжуань», что в переводе означает «Жизнеописания выдающихся бессмертных», повествуется о торговке вином по имени Нюй Цзи.

Однажды мимо ее дома проходил некий бессмертный, пожелавший выпить вина. Денег у него не было, а Нюй Цзи была дамой предприимчивой и раздавать свой товар бесплатно не собиралась. Жажда же бессмертного была весьма велика, и вина он, наверное, выпил немало, раз оставил торговке в залог оплаты «Книгу чистой девы» в пяти свитках.

Нюй Цзи прочитала эту книгу и нашла в ней практические советы по продлению жизни и достижению бессмертия через сексуальные отношения. Будучи дамой любознательной и неленивой, она законспектировала основные принципы, а затем, устроившись в отдельном доме,

стала добрым вином завлекать туда молодых парней и оставляла их ночевать, чтобы на практике испытать книжные предписания. Так продолжалось тридцать лет. Время шло, а Нюй Цзи оставалась двадцатилетней.

Наконец, бессмертный, неосмотрительно оставивший деятельной торговке секретные свитки, вспомнил о своем долге и явился его погасить. Увидев по-прежнему юную Нюй Цзи, он понял, что произошло, и увел ее с собой в неизвестном направлении.

Я всегда сожалела об отсутствии возможности заглянуть в конспекты этой ловкачки Нюй Цзи. Думаю, «Книга чистой девы», будь она опубликована, стала бы мировым бестселлером номер один.

Впрочем, сохранились и другие источники бесценной информации. Например, в даосском трактате «Юй Фан чжияо» – «Руководство для яшмовых покоев» – описаны подготовительные ласки и техника любовного соединения, способствующие избавлению от всех болезней и продлению жизни того, кто практикует рекомендованные методы. И в медицинском труде известного даосского врача Сунь Сымяо «Цянь цзинь яофан, или Бессмертные рецепты», впервые напечатанном в 1066 году, а затем переиздававшимся в 1307, 1544 и 1604, специальный раздел посвящен «здоровой половой жизни». При этом – внимание! – речь идет о здоровье и бессмертии только одного из партнеров! «Лечение одного человека за счет другого – вот истинное лечение», – цинично утверждает даосский эскулап.

Любовь – это невидимая, но вполне материальная энергия, которую мы отдаем друг другу. А если один отдает, а другой только забирает? Велеречивые древние даосы дипломатично именовали это явление «тайной питания жизни с помощью инь и янь», а современные парапсихологи честно и прямо называют сексуальным вампиризмом. А как же еще? Если один из пары становится сильнее и моложе, а другой слабеет, стареет и даже умирает...

Не случайно ведь все даосские рекомендации уделяли огромное значение выбору партнеров. Во-первых, практикующему опыты бессмертия надлежало как огня избегать тех, кто сам знает процедуру. Во-вторых, существенным полагался возраст: считалось, что наиболее ощутима польза от девушек четырнадцати-пятнадцати лет. Значит, опыт и годы – это преимущества!

При этом даосы допускали, что достичь бессмертия указанным путем может не только мужчина, но и женщина. Соответствующая сила, учили они, изначально дарована Небом каждому человеку.

В развитие этого тезиса я не раз думала о том, что природные данные каждого из нас сугубо индивидуальны. И, если бывают гениальные музыканты, художники, ученые, изобретатели – возможно, кто-то от рождения гениально сексуален? Такому человеку даже не нужно изучать старинные трактаты, сокрытые в них истины он может постигнуть самостоятельно, без помощи мудрого даосского наставника. Это может произойти и внезапно, если случайно совпадут все необходимые условия. И тогда немолодой, но еще полный сил и искушенный в любовных играх мужчина, соединяясь с неопытной, но страстной и беззаветно влюбленной девушкой, вытянет из нее всю сексуальную энергию и саму жизнь!

А если сильнее и опытнее будет женщина... Ну, вы понимаете.

Соединяясь с мужчиной, я могу его убить. Слава богу, не каждого мужчину, а только самого лучшего. Того, который совпадает со мной так, как будто мы две части одного целого. Таким образом, чем сильнее мне нравится партнер, чем больше мне хочется жить с ним душа в душу и тело в тело долго и счастливо, тем выше шанс, что смерть разлучит нас очень скоро.

Препогоная ситуация, не правда ли?

Отчасти смягчает ее лишь один момент: этот самый лучший мужчина точно так же может убить меня. Теоретически. Потому что практически это может сделать только тот, кто имеет соответствующий опыт и определенные знания. Случайный интуитивный прорыв, как уже говорилось, возможен, но, я думаю, это редкость из редкостей.

Свое собственное практическое знание я получила в дар от Даниэля. Он был первым, кого я убила, и почти всё для этого он сделал сам. Я твердо знаю это, и все-таки скорблю о нем. Единственное, что меня немного утешает, это уверенность в том, что смерть Даниэля была такой прекрасной, какой у многих людей не бывает самая благополучная и долгая жизнь.

Я точно знаю это, потому что один раз тоже умирала в объятиях Алого Ангела. Его звали Алекс. Он был влюблен, и я бы не пережила его любви, если бы за мной не стоял Даниэль – вдвоем мы были сильнее.

Алый Ангел не просто так убивает свою возлюбленную жертву, он забирает себе ее силы, молодость и жизнь. Так что я, если захочу, могу не стареть и жить вечно. Совсем как те боги на заоблачных вершинах... Здорово, правда?

Впрочем, Даниэль считал иначе. Это его альтернативное мнение формировалось, как я понимаю, на протяжении не одного столетия, однако он так охотно поменялся со мной – безграничная жизнь за окончательную смерть, – что я все чаще думаю: а не прогадала ли я? Но спросить мне некого. Других Алых Ангелов я не знаю.

А жаль...

Сожаление как-то незаметно стало моей доминирующей эмоцией.

В последнее время я ужасно сожалела о том, что потеряла Калюку Малику, еще не успев его заполучить. Сожалела о невозможности объясниться, потому что после того телефонного разговора, который уронил меня с африканских облаков в отечественный чернозём, КМ не вступал со мной в контакт – не показывался в скайпе и не отвечал на письма. Сообщение, которое я оставила для него в «Одноклассниках», было отправлено в спам. Очевидно, это означало, что разговаривать со мной идеальный мужчина больше не хочет. Продолжать настаивать не имело смысла, но как это было обидно, я не могу передать! Такой покинутой я не чувствовала себя никогда раньше, а ведь в моей жизни случались весьма неудачные романы.

– Просто на сей раз ты **НЕРЕАЛЬНО** обижена, – попытожил мой внутренний голос.

Правильно подобранное слово объясняло всё.

Чтобы не думать о неприятном, я развернула газету: почитаю о чужих проблемах – хоть на время позабуду о своих.

Армянская бабушка, покончив с лавашом насущным, тоже взялась за пищу духовную. Пресса у нас обеих была одинаковой степени свежести – с тележки, которую вскоре после взлёта прокатали по салону бортпроводницы, только моя газета была на английском, а бабулина – на немецком. Тем не менее, на первой полосе и в том, и в другом издании помещалось одно и то же фото аккуратного седенького старичка, обнимающего за пышные бедра цветущую молодую даму.

Заголовок над снимком англоязычного читателя разил наповал: «Жена Дядюшки Лео погибла, наставляя мужу рога!», а сама статья в моей газете была коротенькой, в два десятка строк. Автор материала возбужденно и без тени сочувствия сообщал, что «всем известный Дядюшка Лео» трагически овдовел всего через год после очередной женитьбы. Молодая супруга Дядюшки, по слухам, беззастенчиво изменяла своему старому мужу направо и налево, за каковую неразборчивость в связях и была очень жестоко наказана злой судьбой. Очередной ее любовник оказался наркоманом и психопатом, при этом физическое здоровье у него было буквально лошадиное – автор текста с понятным намеком называл героя-любownika «героиновым жеребцом». Ночь любви с ним бедная женщина не пережила, и, обнаружив это поутру, её душевно больной партнёр повесился в ванной комнате того же самого гостиничного номера. Ужас, иначе не скажешь.

Заглянув в газету соседки, я увидела, что немецкое СМИ выдало гораздо более развернутый текст – на пол-полосы и с дополнительными фотографиями, но по причине незнания языка я не смогла узнать никаких подробностей.

Интересовала меня, главным образом, личность этого всем (кроме меня) известного Лео. В бабулиной газете была написана его фамилия – я неуверенно прочитала ее как «Бухенвельдешвайнен» и, разумеется, в оригинале запомнить не смогла. Но значение жаргонного словечка «бухать» было мне вполне понятно, «вельде» смутно ассоциировалось с вольными просторами лесов и полей, а насчет финального «швайне» и тени сомнений не возникало: макаронический стишок про поросенка «Айне майне кляйне швайне вдоль по штрассе побежал» я помню с детства. Таким образом, в моем очень вольном авторском переводе на русский иностранная фамилия могла означать что-то вроде «Пьянодикосвинов» или «Дикосвинскипьянов». Второй вариант понравился мне больше, его я и приняла.

Мне было очень интересно, почему газетчики называют этого самого Свинскипьянова Дядюшкой? По моим наблюдениям, вот так, по-родственному, целые страны и народы величают, главным образом, тиранов и деспотов. К примеру, у нас в России были дедушка Ленин, батюшка царь (в принципе, любой), матушка Императрица (тоже в ассортименте), Отец народов Сталин. У китайцев – дедушка Мао. У итальянцев с Сицилии – что не ВИП-мафиози, то непременно Папа! Может, и Лео этот самый вовсе не милый славный старичок, а редкостный гад? Это как-то объяснило бы порыв его злосчастной супруги искать утешения в объятиях негодяев помоложе и покрасивее. Подсознательно мне очень хотелось оправдать эту неразумную даму – очевидно, из солидарности, поскольку я ведь тоже испытывала непреодолимое и безрассудное влечение к негодяю.

– Я к сыну лечу! – дочитав свою газету, вторглась в мои мысли общительная соседка. – А ты к кому?

Ох, и вопрос – не в бровь, а в глаз!

– А я ни к кому, – честно призналась я.

– Совсем ни к кому? Вай, как можно! Такой маладой дэвочка! – встревожилась добрая старушка. – Нельзя ни к кому, надо знать, кто поможет в беде!

– Надеюсь, никакой беды со мной не случится, – невесело улыбнулась я.

Соседнее кресло страдальчески скрипнуло – пышнотелая бабуля перегнулась влево, пылливо заглядывая мне в лицо:

– Вай ме, неправду говоришь, дарагая! С тобой уже беда. Я знаю, я вижу!

– Где-то я это уже слышала, – пробормотала я.

И, чтобы избежать неприятного разговора с очередной пожилой провидицей, сначала притворилась спящей, а потом и в самом деле уснула.

Тем не менее, уже в Вене, обходя меня в очереди на пункте пограничного контроля, добрая женщина сунула мне в руку бумажку с телефонным номером и одним-единственным словом: Аревик. Что это – название городка, отеля или имя, я не узнала. Бабушку встречали родные, и она прошуршала мимо меня без остановки.

Венский аэропорт Швехат славен своей обширной зоной беспошлинной торговли, обещать которую за один раз лично у меня никогда еще не получалось: как правило, рейсы в столице Австрии стыкуются с минимальным зазором. Такой подход позволяет пассажирам легко экономить время и еще легче терять багаж. Зная данную особенность международного аэропорта Швехат, я прилетела без чемодана, с одной ручной кладью. Заодно это избавило меня от необходимости тратить зря время у транспортера на выдаже багажа.

Нырять в воздушные ворота австрийской столицы мне доводилось раз десять, не меньше, так что на местности я ориентируюсь хорошо, где выход в город – помню. Багаж я не ждала, в туалет после перелета не заскакивала, у автоматов с газировкой и шоколадками, банкоматов, платежных терминалов и киоска с обменом валюты не задержалась и в зал прибытия вышла раньше всех других пассажиров.

Конечно, знай я, что меня кто-то ждет, я бы не стала торопиться, выдвинулась бы в раздвижные двери эффектной поступью супермодели – длинным шагом от бедра... А в центре

зала остановилась бы, выжидательно оглядывая встречающих поверх темных очков – красивая, милая, немного растерянная барышня, нуждающаяся в деятельной помощи доброго человека мужского пола... И, глядишь, нашлись бы благородные рыцари, и еще столкнулись бы бронированными лбами, оспаривая почетное право оказать мне посильную помощь в максимально широком диапазоне...

Но сегодня я никакой встречи с рыцарем не ждала, поэтому пропорола разреженную толпу встречающих, как летящий теннисный мячик – облачко пыли. Нырнула в дверной проем, дробно пересчитала ногами два лестничных марша на нижний ярус и еще успела купить в автомате билет на готовый к отправке City Airport Train.

Другим торопыгам повезло меньше: двери вагонов уже смыкались, когда на платформу чуть ли не кувырком скатились один за другим три человека. Все они, видно, еще наверху разогнались до максимума, по лестнице скакали через две ступеньки на третью, в крутой поворот на нижний марш вписались с изрядным креном, и на перрон буквально вывалились – корявыми растопырочками, полубоком, с заносом, обеспечившим двоим из троих отнюдь не мягкую посадку на сырой бетон. Прибежавший первым все-таки успел ворваться в соседний вагон. Что ж, в случае появления контролера эта победа может стоить ему штрафа за безбилетный проезд.

Поезд тронулся, быстро набирая скорость. Сердитые лица опоздавших промелькнули за окном, как белобрюхие круглые рыбины в зеленоватой воде аквариума.

– Смотри, они тоже путешествуют без багажа, – машинально отметил мой внутренний голос.

Я пожалала плечами. Может, эти двое сами не пассажиры, просто они кого-то встречали.

– Может, того самого парня, который прибежал первым? – не унимался внутренний голос. – Тогда не похоже, чтобы встреча получилась теплой, дружеской...

Я прижалась виском к стеклу, чтобы еще раз взглянуть на быстро отдаляющийся перрон и отставших от поезда торопыг. Один из них разговаривал по мобильному, глядя вслед составу, как мне показалось, с ненавистью. Второй размеренно бил в ладонь кулаком. Пантомима была выразительная, сюжет благодаря ей вырисовывался динамичный, в пору триллеру, и я не завидовала тому парню, который, похоже, был его главным героем.

– Да, да, и завидовать не надо, и любопытствовать не стоит! – настойчиво посоветовал мне внутренний голос. – Держись-ка ты от греха подальше...

Говорю же – он зануда. От греха – и вдруг подальше?! Да я была бы не я!

Вновь мимолетно порадовавшись тому, что со мной нет чемодана, который затруднил бы мне перемещение по составу, я встала с мягкого кресла, вздернула на плечо сумку и неторопливо двинулась по проходу – из головного вагона поезда в направлении его хвоста. А что? Прогуляюсь, разомну ножки, а заодно невзначай взгляну на героя триллера. Интересно же посмотреть на человека, который так эффектно уходит от погони на электричке!

Прогулка моя была недолгой – герой триллера шел мне навстречу. Сквозь стекло сдвигающейся двери я увидела быстро приближающуюся фигуру, но лицо мужчины затенял козырек бейсболки, да еще на нем были темные очки. Ни узнать его, ни отступить в сторонку я не успела, и мы столкнулись на входе во второй вагон.

– О, сорри, – машинально сказала я и сделала шаг назад.

– Давай быстрее! – обхватив мою талию, скомандовал он вместо извинения и еще уско-рился, буквально выдавив меня из вагона.

Немецкоязычный женский голос невозмутимо пробряцал короткую фразу, озвучивая название следующей остановки. Моя спина чувствительно совместилась с переборкой. Козырек бейсболки надвинулся, как туча, прямо на меня, я зажмурилась и спустя секунду осознала, что меня бесцеремонно обнимают и зажигательно целуют. И что мне это не просто приятно – привычно приятно!

Павел. Это был Павел!

– Ты?! – изумленно выдохнула я, едва он отстранился.

– А ты кого ждала?

Переборка ударила в спину – поезд остановился, а мужская рука еще настойчиво подтолкнула меня пониже спины. Удивленная, растерянная и, не смотря на посильную помощь немецкоязычной дикторши, совершенно дезориентированная, я послушно вышла из вагона.

Крепко обнимая меня одной рукой, Павел быстро провел меня по перрону в подземный переход, а там опять прижал спиной к стене и зафиксировал, схватив за хвост волос на затылке. Звякнула упавшая на пол заколка. Серые глаза сузились и опасно потемнели, но я уже опомнилась, вышла из ампула безропотной овечки и напала первой:

– Я смотрю, теперь ты практикуешь спонтанный секс в жестком стиле? Это что-то новенькое!

– Всё меняется, – он снова поцеловал меня, скользнул губами по щеке и шепнул на ухо:

– Кроме моего к тебе отношения, конечно!

– Конечно, – язвительно согласилась я и уперлась ладонями в крепкие мужские плечи, пытаюсь отодвинуть от себя их владельца. – У-у-у, человек-скала! Вижу, ты в хорошей форме!

– Ты тоже.

Павел вернул мне комплимент уже на ходу – он снова тащил меня куда-то, явно не собираясь что-либо объяснять. Я предпочла не настаивать на немедленном продолжении разговора: плитка на полу была влажной, скользкой, так что мне пришлось сосредоточиться на том, чтобы не сменить мало почетную роль безропотной овечки на еще менее героический образ «корова на льду». Хотя Павел наверняка не затруднился бы понести меня на руках... Только, боюсь, не как могучий рыцарь слабосильную неженку принцессу, а как суровый ковбой охромевшую подшефную телушку!

Воображаемая картинка не показалась мне романтической, и я предпочла передвигаться на своих двоих.

Одной рукой Павел крепко держал меня за плечи, а второй – какой-никакой, а рыцарь! – настойчиво тянул к себе мою сумку, но я (всё еще в образе кроткой, но упрямой овечки) ее не отпускала. В жесткой сцепке мы пробежали тридцатиметровку по кафельным катакомбам и вынырнули на оживленной улице.

– Стой! – Павел удержал меня на краю тротуара и сделал энергичный жест свободной рукой.

Я оглянулась – кому это он машет? Неужто еще кому-то знакомому? Я бы не удивилась, если бы из-за угла вывернул, например, Марик в розовых джинсах со стразами, или Миша Платофф с неизменным крокодиловым портфелем. Внезапное появление Павла вышибло меня из привычной реальности в параллельный мир с его разнообразными и не всегда приятными чудесами.

Очень странной и неожиданной была эта не слишком романтическая встреча бывших любовников в городе, чужом для нас обоих! Каким, интересно, ветром Павла занесло из Варшавы в Вену? И почему, интересно, его занесло сюда одновременно со мной?

Я все-таки нуждалась в объяснениях, однако получить их мне не удалось.

На призывные жесты Павла моментально отреагировало такси. Ну, вот! А мне-то рассказывали, что ловить такси в Вене взмахом руки – бесполезное занятие! Или это у Павла нынче вид такой повелительный – не только такси, но даже я подчиняюсь?

– Садись!

Я послушно скользнула на заднее сиденье.

Павел захлопнул дверцу, шагнул вперед и в приоткрытое окошко отдал какую-то команду водителю. Тот кивнул и стронул машину с места. Павел остался на тротуаре.

– Эй! А ты?! – я едва не влипла лицом в стекло. – А я-то куда?

Водитель, обернувшись, приветливо мне улыбнулся и пробормотал что-то умиротворяющее. Кого-то, понимающего язык Шиллера и Гёте, его слова, возможно, и успокоили бы, но я только пуще запаниковала.

Чёрт, ни черта не понимаю, что за чертовщина происходит?!

– Прекрати чертыхаться, тебе это не идет! – возмутился внутренний голос.

Он тоже нервничал.

– А что мне идет – сияющий нимб и голубиные крылышки? – огрызнулась я.

Дружелюбный водитель снова обернулся и вопросительно пошевелил бровями.

– Вы говорите по-русски? Нет? Инглиш? Тоже нет? Чёрт! – я стукнула себя кулаком по коленке, нахмурилась и замолчала.

С машиной мне не объясниться, если только не проснется скрытый дар телепатии, на что я не стала бы рассчитывать. Но надо ли так волноваться? Павел меня любит и не сделает ничего такого, что может причинить мне вред. Значит, вся эта чертовщина – проявление некой заботы о моей драгоценной персоне. В таком случае, лучшее, что я могу сейчас сделать – это успокоиться, чтобы сберечь нервы и силы для последующего общения с любящим и заботливым другом.

– Окей, – придя к такому выводу, со вздохом сказала я водителю и самой себе.

Я положила свою ручную кладь под бочок, повозилась, удобнее устраиваясь на сиденье, закрыла глаза и сделала попытку задремать.

Во времена моего детства – а родилась я с полвека назад, хотя по моему внешнему виду об этом догадаться трудно, – телевизоры были черно-белыми и принимали всего один канал. Единственный вечерний фильм начинался после программы «Время», как раз тогда, когда я, хорошая девочка-умница-отличница, ложилась спать. Но я нашла выход из положения, наловчившись «заказывать» себе сны, которые были и интереснее, и ярче телевизионных программ. Для этого достаточно было, удобно устроившись в кровати, некоторое время сосредоточенно думать в нужном направлении: сначала в общих чертах наметить сюжет, а потом максимально детально представить себе первые сцены сна-«кино». Закрыв глаза, я живописала интерьер, воплощала персонажей и мысленно проговаривала диалоги, а в процессе сновидения незаметно для себя засыпала и из сценариста и режиссера становилась просто зрителем. И, кажется, никогда не разочаровывалась увиденным.

Навеять себе сновидение на заданную тему я умею до сих пор, хотя теперь мне не так уж часто случается тихо и спокойно засыпать в одиночестве. Да и ассортимент доступных мне развлечений чрезвычайно увеличился как количественно, так и качественно. Но сны, которые я стала видеть после смерти Даниэля, а потом и Алекса, никак не связаны со мной. И, как мне кажется, они вовсе не фантазии – это осколки чужих жизней, взятых Алыми Ангелами.

На этот раз мне приснилось море. Я не видела его – было темно, но слышала размеренный гул наката.

Подо мной был песок, гладко зализанный волной и уже подсохший. Под тяжестью двух тел тонкая сахарная корочка проломилась, и теперь я лежала на мягком и прохладном. Одному плечу было колко – сквозь песок кое-где пробивалась редкая жесткая трава. На гребне дюны она стояла вздыбленной шерстью, заштриховывая нижний край золотой лимонной дольки – половинка луны висела низко и как будто качалась, оставляя на лакированном черном небе размазанный светящийся след. Я вспомнила, что где-то когда-то уже видела что-то подобное, но конкретизировать воспоминание не смогла.

Картинка дергалась и рвалась, замирая и умножаясь призрачными тенями. У меня кружилась голова, я быстро слепла. Холодок из-под лопаток просачивался к сердцу, море – или не море? – дышало всё тяжелее и чаще...

А потом лимонно-желтая лунная половинка закрутилась веретеном, наматывая на себя ниточки звездного света, яростно вспыхнула оранжево-голубым...

И взорвалась.

Водитель, перегнувшись через сиденье, тянулся к моему плечу и что-то говорил, но я его плохо слышала и совсем не понимала. Лицо у таксиста было бледно-зеленое и вытянутое, как скороспелый кабачок, это я заметила. Я также близко рассмотрела завинчивающуюся металлическую крышку стеклянной бутылки, горлышко которой выглядывало из накладного кармана на спинке пассажирского сиденья. Кажется, именно эта блестящая крышечка рассадила мне бровь!

С одинаковым возмущением посмотрев сначала на бутылку, а потом на водилу, я безадресно выругалась. Нет, это же надо! В благополучнейшей Вене я первым делом умудрилась попасть в дорожно-транспортное происшествие!

Бровь саднило, на лбу, наверное, будет шишка, хорошо еще, если глаз не заплывет... Отличное начало романтических каникул!

Плохо соображая, что делаю, я толкнула дверцу и выбралась из машины.

Сама я водитель скверный, но это не мешает мне с пристрастием разбирать чужие ошибки. Так, что тут у нас?

Такси, катившее в правом ряду, похоже, целехонько, и водитель не пострадал, только я дурной головушкой приложилась, да и то лишь потому, наверное, что спала. А вот черный джип, всем своим видом лично мне, россиянке, неприятно напоминающий о соплеменных бандитах, вылетел из левого ряда на встречную, там еще заложил влево и из-под носа автобуса ушел на обочину, где едва не поцеловал фонарный столб. А автобус вильнул вправо и слегка боднул мотоцикл – вон он, на газоне лежит, еще вздрагивая, как загнанный олень... Но мотоциклист и жив, и цел, стоит на своих ногах.

Ну, и из-за чего весь этот авто-мото балет? Джип, видно, шел за такси, а мой водитель неожиданно резко затормозил... А почему же он затормозил?

Я поднялась на цыпочки и огляделась, ощутив при этом легкое головокружение и шум в ушах. Зато увидела причину дорожно-транспортного происшествия.

Причина имела жалкий вид пучеглазой лопухой псинки, запутавшейся в постромках шлейки. Судя по всему, эта пародия на собаку сорвалась с поводка и выскочила на дорогу, едва не угодив под колеса такси. Ей повезло, отделалась испугом, правда, не лёгким: бедолага тряслась и дергалась, как припадочная, да еще и крутилась волчком, всё больше запутываясь в ремешках.

Люди не обращали на нее внимания, они суетились вокруг мотоцикла и джипа.

– Иди сюда, цуцик! – позвала я, наклонившись и вновь почувствовав, что в голове пришла в движение каруселька с лошадаками. – Ох... Кажется, мы с тобой обе жертвы ДТП! Ну, давай тогда я помогу тебе, как жертва – жертве...

У животных есть определенные преимущества перед людьми. Этой вот конкретной австрийской собачке было абсолютно неважно, что я говорю не по-немецки, а по-русски. Я видела, что она меня прекрасно поняла! Большие влажные глаза воззрились на меня с мольбой и надеждой, уши-лопушки затрепетали, передняя лапка поднялась и тоже задрожала. Я едва не прослезилась.

Подхватив трогательного Пучеглазика на руки, я двинулась в сторону обширного газона, хаотично усеянного темно-зелеными помпонами идеально подстриженных плотных кустов. Я рассудила, что псинка прибежала именно оттуда.

Мне очень нравится отношение европейцев к зеленым газонам, оно одновременно и бережное, и прагматичное: не топтать живой ковер понапрасну, но и не препятствовать простому и понятному желанию поваляться на травке. Я даже не помню, чтобы где-либо в той же Вене наблюдала таблички, запрещающие ходить по газону! Видела только запретительные знаки для собачек, гуляющих по нужде: выразительные рисунки, лаконично изображающие

четвероногого друга человека с вертикально поднятым хвостом, у основания перечеркнутым косым красным крестиком. Не знаю, понимают ли эти пиктограммы сами собачки, но следов их жизнедеятельности нигде не видно. Как, впрочем, и бесхозных животных – говорят, таких в Вене попросту нет. Я обоснованно предполагала, что найду владельца Пучеглазика где-то поблизости.

На поляне, не оснащенной никакими запретительными знаками, резвились и двуногие, и четвероногие: воздух рассекали пластмассовые диски, глухо бухал о ладони игроков волейбольный мяч, кувыркались воланы. Кое-где на подстилках и просто на траве сидели и лежали граждане с книжками, ноутбуками и бумажными пакетами с нехитрой снедью. Почтенного вида дама восседала на легком раскладном креслице в тени давно отцветшего жасмина, а у ее ног фарфоровым изваянием замерла белоснежная кошка. На Пучеглазика, нервно вздрагивающего у меня на руках, эта роскошная киса даже не взглянула.

– Потому что ты не собака, а ошибка природы! Четвероное недоразумение! – жалостливо сказала я карликовой псинке.

Она подняла голову и уставилась на меня, как будто ожидала продолжения, и я развила тему:

– Какой должна быть правильная собака? Правильная собака должна быть большой, сильной и лохматой! С зубастой улыбкой и голосом, как у солиста Большого театра!

– Гау! – шалыпинским басом бухнула густая тень между двумя близко посаженными кустами.

– Ой!

Я сначала остановилась, а потом еще осторожно попятилась от огромного черного ньюфаундленда.

– Гау! – повторил он неприязненным тоном.

– Вот, видишь? Смотри! Вот, какой должна быть правильная собака! – сказала я Пучеглазику, тщетно стараясь не робеть.

Правильная собака имела вид животного, питающегося регулярно, обильно и отнюдь не морковкой.

– Надеюсь, не заблудшими туристками? – опасливо пробормотал мой внутренний голос.

Я нервно хихикнула. Приехать в Вену, чтобы стать сначала жертвой ДТП, а потом собачьим ужином – это был сюжет, достойный черной комедии.

– О-о-о-о-о!

С протяжным стоном и страдальчески заломленными руками в щель между кустами с треском прорвалась высокорослая толстуха в прелестном штапельном платьице, сшитом, не иначе, из пары пододеяльников. Бегущая гражданочка была поразительно похожа на подхваченный вихрем бледно-розовый надувной диван в цветастом ситцевом чехле.

– О-о-о-о, майн фройнд! – воркуя, причитая и всхлипывая, эта особа выхватила у меня Пучеглазика и пухлыми руками в младенческих перетяжках притиснула его к своей пышной груди. – О-о-о-о, майн либе фройнд!

– Это ваша собачка? – догадалась я. – Ну, что же вы, мадам! Надо лучше приглядывать за своим питомцем! Ваш четвероногий дружок выскочил на проезжую часть! Из-за этого случилась авария, и есть пострадавшие!

Большим пальцем через плечо я показала на дорогу. Фрау Надувной Диван выпучила глаза, как ее ненаглядный песик, и взвыла на два тона выше:

– О-о-о-о! Тим! Тим-тим-тим!

– Не понимаю, – сказала я и огляделась в поисках зверушки, которая могла отозваться на такой призыв.

«Зверушкой» оказался на редкость шустрый невысокий мужичок-боровичок: как гриб после дождя, он вырос рядом с ньюфаундлендом, и сразу начал действовать. Одной рукой

успокаивающе погладил по спине ньюфа, другой – свою надувную фрау, и тут же подмигнул Пучеглазику и улыбнулся мне. Впрочем, улыбка промелькнула и забылась, как лето в Заполярье.

Задержав взгляд на моем лице, Тим сокрушенно цокнул языком, помрачнел и еще ускорился. Его руки замелькали в воздухе, указывая, направляя, обнимая и подталкивая.

Подчиняясь выразительным жестам и деловитым командам типа «цигель, цигель, ай-люлю», дама с Пучеглазиком, Правильная Собака и я с ними вместе поочередно просочились в кусты и уже через полминуты деловито загрузились в минивэн, где обнаружилась еще и клетка с хорьками.

Я не имела большого желания путешествовать в составе бродячьего цирка, но Тим, который шел замыкающим, не дал мне удрать. Выразительными гримасами изображая страх и ужас, он с прямым намеком постучал пальцем по зеркалу бокового вида. Я заглянула в него, тоже ужаснулась и впала в легкий ступор, за время которого шустрый Тим успел затолкать меня в машину, пристегнуть ремнем, захлопнуть дверцу, обежать минивэн по крутой дуге и устроиться на водительском месте.

Когда я открыла рот, чтобы категорически возразить против незапланированной автомобильной прогулки, минивэн уже сворачивал за угол, приближаясь к месту недавней аварии.

Мадам Диван на заднем сиденье заохала, Тим произнес что-то вроде «Ай-ай-ай». Я, напротив, закрыла рот и с понятным интересом засмотрелась на место дорожно-транспортного происшествия.

Джип, слившийся в экстазе со столбом, и автобус, зацепивший мотоцикл, стояли там же, где я их видела пять минут назад. А вот машины такси, в которой приехала я, уже не было!

– Оп-ля! – растерянно молвил мой внутренний голос.

С некоторым запозданием до меня дошло, что я неправильно поняла: мой внутренний голос произнес ругательство.

Я крайне редко употребляю нецензурные выражения, но известное слово на вторую букву русского алфавита само собой срывается с губ в моменты, когда внезапно происходит что-то очень неприятное. Например, случается дефолт, падает на голову сосулька, ломается каблук или, как сейчас, вскоре по прибытии в чужую страну забывается в такси ручная кладь!!!

Я застонала. Тим встревоженно покосился на меня, пролопотал что-то успокаивающее и прибавил газу.

– Йа, йа, натюрлих! – с горечью сказала я и закрыла глаза.

Чего уж теперь, в самом деле, дергаться? Надо сначала разбитую голову в порядок привести. Хотя бы снаружи!

Внутри-то головы беда у меня, похоже, непоправимая, оттого, видать, и все мои проблемы.

Глава 4

Я очень редко выключаю мобильный телефон. Привычка постоянно быть на связи осталась у меня с тех беспокойных времен, когда я не за страх, а за совесть работала в телевизионной службе новостей. Теперь мне, правда, случается иной раз забыть мобильник дома, но для того, чтобы я по доброй воле выключила имеющийся у меня при себе телефон, нужна очень веская причина. Как правило, это либо запредельная, на грани человеконенавистничества, потребность в нерушимом покое и отдыхе, либо, наоборот – решительное нежелание прерывать увлекательный процесс общения.

Но на сей раз мой голосистый мобильник умертвила чужая рука. Сама я отключилась еще раньше, потому что в горячем чае, которым меня напоили гостеприимные хозяева, рома было не многим меньше, чем кипятка.

Не знаю, чьи конкретно добрые руки, лапы или крылья позаботились обеспечить мне полный покой – в этом доме шагу нельзя было ступить, чтобы не соприкоснуться с живой при-

родой во всем многообразии ее проявлений. За исключением лишь человеческих детенышей: единокровных им потомков Тим и Анхен, как я поняла, не завели. Вероятно, именно поэтому они окружили себя несчетным количеством домашних питомцев.

На короткой дистанции от входной двери до того дивана, где щедро обогащенный ромом чай поверг меня в глубокий сон, я успела повстречать еще двух разнопородных щеночков, кота, кролика, ежика, семейство хомяков и на редкость дюжую морскую свинку. Вся эта живность потянулась за мной, как кортеж мотоциклистов за правительственным лимузином. Канарейки в золоченой клетке приветствовали меня песней, собаки лаяли, хомяки шуршали, ёжик топал, и только рыбки в аквариуме, спасибо им, выразили свои эмоции по поводу моего появления беззвучно и бесконтактно.

Я чувствовала себя ошеломленной, растерянной и подавленной. Декорации, лица и морды вокруг меня сменялись так быстро, что я просто не успевала осмыслить происходящее! Вдобавок, запах в месте массового скопления меньших братьев по разуму был еще тот... Так что голова у меня закружилась еще до чая с ромом – и продолжала кружиться даже во сне.

...Звездный купол ночного неба раскачивался, как колокол, а я была внутри него, и раз за разом наплывающая сзади плотная темнота толкала меня в пустоту, пока я не сорвалась в неё в крутой штопор...

Зато и выпала я из затяжного серпантина в темноте, тишине и одиночестве. Открыла глаза – никого и ничего не увидела. Безрезультатно напрягла слух, ощутила приближающийся приступ паники, вздрогнула – и пружины дивана подо мной успокаивающе скрипнули.

Слава Богу, в которого пора бы уже уверовать! Пока еще не в склепе лежу, а на ложе, предназначенном для живых и, видимо, немало на этом самом ложе поживших!

Глаза приноровились к темноте, и я увидела рядом резной комод и нечто матерчато-ребристое: похоже, птичью клетку, накрытую шалью. Ноздри шумно втянули воздух, густо ароматизированный сложным амбре зоопарка. Ущербная девичья память поскребла по сусекам и слепила фрагменты воспоминаний в колобок.

– Так!

Первым делом я пощупала свой лоб – его украсила полоска пластыря. Это меня порадовало, так как я приготовилась к худшему варианту, а именно к круговой бинтовой повязке в стиле героического красного командира Щорса. Что ж, по крайней мере, я не буду пугать своим видом мирных бургеров на улицах австрийской столицы.

А в том, что я не задержусь с выходом на эти самые улицы, у меня не было никаких сомнений. Залеживаться в частном мини-зоопарке Тима и Анхен я не собиралась.

– Мобильник, – подсказал внутренний голос, иницируя приготовления к марш-броску на вольный воздух.

– Он был у меня в кармане, – припомнила я.

Еще одна старая добрая репортерская привычка – держать средство связи поближе к телу – на сей раз оказалась полезной, как никогда ранее. Если я не лишилась мобильного – значит, могу позвать на помощь добрых людей из своего обширного списка контактов!

– Сможешь, например, позвонить в представительство края в Вене, – рассудительно посоветовал внутренний голос.

Я аккуратно и бережно охлопала прикроватную тумбочку. Как я и ожидала, мобильник мой был там. Я нажала кнопку реанимации, терпеливо прослушала мелодичный сигнал возрождения и дождалась, пока аппарат придет в состояние полной готовности.

И тут же работающий гаджет, как из мешка, высыпал мне с полтора десятка СМС-сообщений!

Они помогли мне определиться с личностью того, кому можно и даже нужно незамедлительно позвонить: Павлу, конечно же.

– Прости, дорогой! Я про тебя совсем забыла! – виновато произнесла я, одну за другой просматривая СМС-ки.

Если им верить (а не верить оснований не было), Павел предпринял восемь героических и безрезультатных попыток дозвониться до меня, а в паузах между звонками отправил мне семь сообщений.

Уже первое из них дышало смертоубийственными эмоциями, как ядовитое дерево анчар: «Так!!! ГДЕ ты?!». Далее – от сообщения к сообщению – страсти только накалялись. Восклицательные знаки множились, как кролики по весне, первоначальный вопрос «Где?» подменялся откровенно некорректным «С кем?», тревога трансформировалась в ярость... Мне оставалось только радоваться тому, что на современном этапе развития науки и техники общение на расстоянии ограничивается исключительно бесконтактными способами. Думаю, если бы этой ночью Павел мог до меня дотянуться, я разделила бы печальную судьбу Дездемоны.

Я боязливо поежилась, но не смогла удержаться от кривой улыбочки, вызванной тем, что компания-оператор сотовой связи по собственному почину привесила к каждой яростной СМС-ке Павла доброе пожелание от себя лично. Все эти их приторные «Приятного общения!» и «Хорошего настроения!» сразу после гневных текстовок, больше похожих на рычание, выглядели в высшей степени неуместно – как воздушный поцелуй после удара в челюсть.

Джинсы и свитер мне искать не пришлось, потому как добрые люди и звери были не настолько любезны, чтобы меня раздеть. А вот в поисках туфель я обшарила довольно обширную зону по периметру дивана, но нашла только свернувшегося в клубочек ёжика, что не доставило ни малейшего удовольствия ни ему, ни мне. Тихо шипя и дуя на исколотую ладонь правой руки, а в левой сжимая мобильник, используемый как фонарик, я вышла из гостиной в прихожую и там на ВЕРХНЕЙ полочке стеллажа обнаружила свою обувь.

– Так вот что называется высокой модой! – мой внутренний голос не удержался от язвительного, но справедливого замечания: туфли были хорошие, дорогие.

Не зря двуногие обитатели дома спрятали их вне пределов досягаемости четвероногих.

Обувшись, я на цыпочках прокралась к входной двери и чуть не упала, когда обширная черная клякса, которую я в полумраке приняла за коврик, ожила, вздохнула и уставилась на меня фосфоресцирующими желто-зелеными глазами.

– П-привет, милая собачка! – удержав в горсти едва не выпрыгнувшее сердце, пролепетала я. – Гутен, так сказать, морген! Ты не возражаешь, я пойду себе? Уже шесть с минутами.

Очевидно, седьмой час моргена не казался «милой собачке» временем, не подходящим для прогулки. Пёс не только не возражал против моего ухода, но даже сделал попытку увязаться за мной на улицу, и мне стоило труда удержать дверь, в которую крепко уперлась лобастая и мохнатая, как у зубра, собачья башка.

На улице было пусто, ни души. Здания производили впечатление необитаемых. По узкой улице, образуя туманные завихрения у столбов, тек холодный ветер. Свисающие с фонарей конусы света – ядовито-желтые в верхней точке и размытые внизу – разреженным краем подметали тротуар. Все вместе смотрелось классической декорацией для ночного кошмара в вампирско-вурдалачьем стиле.

Я зябко поежилась и повертела головой, пытаюсь определить, где восток: очень хотелось уловить хотя бы намек на близость рассвета. Но здания, выстроенные сплошной линией, закрывали горизонт.

С экипировкой я все-таки промахнулась: свитера было явно недостаточно, мне следовало взять с собой куртку. Да, глубоко я погрузилась в мечты о знойной африканской стране! И, видимо, не вполне из них вынырнула...

Холодок между лопатками ощущался болезненно. Перебежав пустую улицу, я вошла в телефонную будку и закрыла за собой дверь, оставив неотвязный ветер снаружи. Собственно, будка привлекала меня именно как укрытие, потому как звонить я собиралась с мобильного.

Только сделать это было труднее, чем сказать. Предстоящего разговора я нетерпеливо ждала и откровенно побаивалась.

Я трусиха, но робость весьма занятно уживается во мне с авантюризмом. А еще я восторженно благоговею перед величественными явлениями природы, какими являются, например, Большой Каньон, Ниагарский водопад и – самое увлекательное – гнев обманутого любовника.

Я ожидала, что ярость, которую обрушит на меня Павел, будет немногим слабее Ниагары, но ошиблась. Он только свирепо рявкнул:

– Убить тебя мало!

И сразу после этого почти спокойно поинтересовался моим местонахождением.

Зная, что мой друг человек мирной профессии, журналист, я логично рассудила: вряд ли мои координаты нужны ему для того, чтобы срочно направить по указанному адресу парочку ракет с ядерными боеголовками. Табличка с названием улицы и номером ближайшего дома была у меня перед глазами, сразу за стеклом кабины, и я старательно, по слогам, озвучила в трубку протяженное и громохочущее, как товарняк, название этой малоуютной венской штрассе.

– Стой там! Никуда не уходи! – скомандовал Павел. – Я буду через двадцать минут.

Он уложился в пятнадцать.

Разумеется, о том, чтобы меня убить, речи больше не было. Напротив, меня сначала заключили в объятия, а затем замотали в теплый шарф. В виде изящного шерстяного кокона я была помещена на пассажирское место автомобиля (с предусмотрительно включенным обогревом сиденья!) и, пока Павел, оставаясь снаружи, разговаривал с кем-то по мобильному, я успела согреться и даже задремать в уютном тепле.

Даже не знаю, чем это было со стороны Павла – трогательной заботой или коварным расчетом? Когда через несколько минут он крепко встряхнул меня за плечи, я – сонная и размякшая – по первому требованию выложила ему всю правду о своих недавних приключениях в подробностях и без утайки. На мое счастье, утаивать было нечего, ничего плохого (или такого, что я могла считать хорошим, а Павел – плохим) я этой ночью не делала.

Выслушав меня, он только потряс головой, как незабываемый ньюфаундленд Анхен и Тима, и усмехнулся:

– Ну, ты даешь!

Тут я окончательно проснулась, резонно предположив, что сейчас мне придется-таки что-то кому-то дать, но мои безнравственные ожидания опять не оправдались.

Павел от меня отстранился и сделал несколько звонков, за время которых я опять погрузилась в дремоту, так как односторонний разговор на немецком для меня был не более содержательным, чем грохот мусоропровода. А под индустриальные шумы я, жительница большого города, сплю, как младенец.

Колыбелька моя плавно покачивалась, мотор размеренно гудел, Павел помалкивал, и проснулась я от холодного прикосновения к лодыжкам.

Автомобильная дверца была открыта, в салон задувал пронизывающий ветер. Охнув, я поспешно нащупала под сиденьем сброшенные туфли – ногам стало теплее, но не намного. Зря я обула балетки, тут были бы уместнее ботинки на меху... Ах, солнечная Нигерия, где ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.